

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Г Р А Ф И Т

№ 9

Тольятти

2015

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Ильдар Листопадов

Художник номера: Татьяна Аксенова

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Сентябрь 2015 года, г.о. Тольятти

Для связи: sumin_sergei@list.ru

Содержание

Дмитрий Григорьев

ЛЮДИ НОЧИ

Люди ночи греются возле костра из мусора,
полезные вещи оставлены на потом,
система ценностей пока ещё держится —
неустойчивая пирамида вершиной вниз,

греются дорожные рабочие и ночные бабочки,
бомжи и химики, преступники и пустынные,
полицейские подходят — им тоже холодно
плевать, что воротнички к утру станут грязными,
тепло — важнее,
человек без слов забивает косяк и пускает по кругу,
его не арестовывают, лишь молча затягиваются,

человек без снов сглатывает кашель,
назначая своим сном пламя и пепел,
пепел — хороший сон, ровный, похожий на дыхание любимой,
человек стоит, закрыв глаза, и ждёт своей очереди,

огонь отражается в уцелевших стёклах,
голубые кошки рассвета уже сидят на крышах...
«Когда горела резина, пламя было краснее, а дым — чернее,
раньше всё было нее, теперь не очень,—

говорит старик старику, передавая стаканчик и термос, —

вот и чай остыл, но ты пей, если хочешь,
ведь нас не останется здесь совсем
к исходу ночи».

* * *

Каждое утро
в сумерках возле помойки
деловитой пчелой
крутится дворник-узбек,
разбирает мусор,
складывает картонные коробки.

Выпавшая из них пустота
пугает до икоты спящие автомобили,
катается на инвалидной коляске без колес,
играет на водосточных трубах
прыгает в открытую форточку
моего окна
садится в кресло,

и мы вместе слушаем как
по чёрной лестнице восходят гастарбайтеры
с мешками синего цемента, пакетами белого песка,
чтобы новые облака
построить за стеной
и повесить новое солнце
на краю потолка,

но я никуда не пойду пока

моя пустота со мной.

* * *

Обещали скверный прогноз погоды,
ледяной дождь, разбивающий тела машин,
мокрый снег, никогда не превращающийся в воду,
а ещё пять минут назад было солнце и никто не спешил.

Вместо новостей — треск, вместо музыки — белый шум:
в котором крики птиц да лай собак,
и хотя вроде бы ничего не происходит,
в дальнем конце улицы что-то уже не так...

Машины впереди разворачиваются, включив аварийку,
за ними ничего не видно, да и надо ли нам вперед,
проще развернуться и ехать вместе со всеми
пока не накрыло то, что произойдёт...

* * *

Подарки не приносят радости,
неисполненные желания не печалят —
ты из них вырос,
а другому они не нужны,
их даже не надо выносить на помойку,
во двор,
где старик выгуливает собаку,
такую, о которой ты мечтал...

Но в автобусе или трамвае
ты всё ещё складываешь цифры

проверяя билет на счастье.

* * *

Тень сосны на твоём теле
не оставляет следа,
такое неяркое солнце,
что свет течёт как вода,
в песок уползают окурки,
ветер гоняет мячик,
мальчик с лицом амура
стрелу за спиной прячет.
К вечеру здесь останется
лишь пена на мокром песке,
острова на ладони Онеги
свинец в её кулаке...

ПОХОРОНЫ

Копали яму среди старых деревьев,
ровными горками складывали песок,
на западе, на севере, на юге
строили жёлтые пирамиды,
лишь с одной стороны не строили:
чтобы плыть мертвецу
головой на восток.

Срубали лопатами корни,
пока копали, все постарели:
стали осенними листьями,
перемешанными с землёй,
стали червями и жужелицами в её теле,

стали пеплом-золой...

Потом пили водку, кутью ели
возвращаясь домой постепенно.
А подземная лодка уже шла на восток
поднимая подземную пену.

* * *

Императрица в подзорную трубу
видит ялтинскую бухту, прекрасную страну,
а солнце за гору садится,
туман поднимается над морем,

и о чем говорят в саду
не понимает императрица.

Она ведь учила этот язык
эту странную речь...
ей вдруг хочется лечь,
но земля начинает вместо времени течь,
и ложные люди входят в покои императрицы.

Они говорят:
мы поменяли местами
таблички в ботаническом саду,
кипарисом назвали каменный дуб,
кедр — сосной,
а огромные цветки магнолии, что под вашими окнами,
теперь незабудки,

и пусть случится то, что случится,
шахты уже вырыты и ждут...

Не понимает императрица,
она смотрит в подзорную трубу
на ялтинскую бухту, прекрасную страну,
а солнце за гору садится...

Е.М.

Помнишь наш разговор об истории и об искусстве
на веранде, что окнами в сад, перерытый повсюду кротами,
хотя яблоня прочно стоит и по осени яблоки вкусны,
и в июне жасмин расцветает...

А кроты роют норы до самого ада,
где под серой шинелью на железной кровати лежит господин наших дней,
давай купим коробку петард и устроим осаду,
чтобы чёрные дыры в земле стали вспышками ярких огней!

Кроты выход найдут, им нет дела до нашей атаки,
ведь она — только символ, художников вычурный жест,
но искусство... оно таково, что порою бесплотные знаки
даже горы сдвигают с насиженных мест.

Владимир Навроцкий

польта

Носители городской культуры покупают к весне пальто,
Толстенные, чтоб текстура плетеной шерсти
была повиднее,
Хотя на весеннем ветру в этих польтах вообще не то,
Они, если честно, уютнее выглядят,
чем греют.

Теплее всего, если что — камуфляжные пуховики,
Которые отливаются прямо из нефти на химкомбинатах
и стоят копейки.

Но ПОЛЬТА же не для тепла; это только отсылка
к межвоенному городскому укладу,
Где люди друг другу были — не лютые волки, а жадные хомяки.
(Кофеенки — тоже отсылка. И, не побоюсь этого слова, капкейки).

Другая отсылка, неочевидная:
к аккуратным рядам из куч городской одежды.
Одиннадцать в ряд, восемь рядов,
на отдельной площадке, устроенной между
Медицинским баракком и плацем.

Никто не желает в этих процессах утилизации шмоток
работать объектом, терпилой.
Поэтому тех, кто гоняет на камуфле,
чтоб хоть так, у себя в голове, частью Правды и Силы
символически оказаться,

не буду судить. И, к тому же, вся эта одежда
это детское всё, понарошку.
Туда, в операторы мясорубки
принимают не по одежке.

парковка

Когда Николая убили из-за парковки
В родном дворе
Ключом на 16, в глухом переулке Покровки
В слепом ноябре, —

Подъезды открылись, и вышли навстречу свои:
друзья, враги
И стали в земле различимы и явны слои
стекла, фольги,

Сушёных жуков, пистолетов, капроновых лент,
цветных камней —
забытых секретных секретиков в тёплой земле
и чуть под ней.

А там, где была парковка, теперь вода:
растаял лёд.
И лето, и восемьдесят шестой навсегда.
— Колян!
Тебя это!
мамка зовёт!

темп

История семьи как история крупных покупок:
Ожидание нового телевизора, прогрев, настройка частот руками.
Видеоплеер из комиссионки, в нем кассета с песней про красавицу-кубок,

Нечеловеческое напряжение сил всей семьи для покупки стенки,
Потом целый день с отвертками, холщовый мешочек с болтами и уголками,
Стенка практически чёрная, матовая. Сейчас этот цвет называется "венге".

(Сам не видел, но какое это было, наверно, событие —
появление в семье ааааавтомобииииииииля
Если соизмерять масштабы со стенкой,
радость должна была быть такая,
как если бы все вчетвером
Пиночета и Гитлера собственноручно убили).

И потом: это всё частично твоё — не так чтоб наследство,

но текущая долевая собственность, что ли,
Ведь никто же не думал, что вырастет из этого места
и покинет дом, в поисках лучшей доли, боли и воли.

Также никто не думал, что и дом разбредётся, развеется,
некуда возвращаться.
Что ступени богатства сотрутся, ковры на них истончатся.
Что такое — теперь —
набор корпусной мебели 89-го?
Телевизор "Темп" 90-го?
91-го года "Москвич" (экспортный вариант Aleko)?

Проржавевший лом и труха,
продукт разгнивания прошлого века.

Ну, "москвич" по утилизации можно сдать,
в этом году ещё принимают,
а куда сдавать устаревшую радость за то,
что твоя семья видаком обладает,

Принадлежит, получается, к среднему классу.
Даже, пожалуй, ближе к верхней его границе.
Эту гордость не осознать, только чувствуешь в животе
её приятную массу.
Она, непересмотренная, остаётся с тобой, с одним,
ещё лет на тридцать,

Хотя ни семьи не осталось той, ни стенки, ни чёрта лысого,
даже фоток, даже хотя бы коробки от советского телевизора.

слои

_ Тут под асфальтом брусчатка
_ а глубже брёвна
_ мел
_ рубероид
_ ковров перегнивших слой
_ дальше гранитные плиты, наваленные неровно
_ синий песок
_ снова бревна
_ опилки с золой

_ кафель в ассортименте битый
_ брёвна ещё
_ брёвна ещё
_ брёвна ещё
_ брёвна ещё (в четыре наката)
_ отходы штамповки
_ скот скелетированный крупный рогатый

_ Бетонное перекрытие, изукрашенное смальтой и перламутром
_ комната с человеком, зелёной лампой, столом, компьютером
Что он там пишет, никак, к сожалению,
не видно через плечо,
Сколько сюда мы сочились, как майонез в печеночном торте
Думали разузнать о подземных чертогах, аде и черте,
Обогатить человечество знанием, и что мы узнали? ничо!

Жалко, напрасно потратили сорок минут.
Выдавимся наверх, нельзя же навечно бесплотно растечься тут.

Впрочем, у майонеза поверхностного натяженья считай что нет,
Значит, наверх никак; значит, пока-пока, белый свет;

Значит, нам путь один: вниз, по трещинкам, распираемым вечной ночью,
К бессмысленному, неинтересному, мёртвому.
В мантию, в магму, короче.

штабик

Разве бывает такая вещь - неловкое молчание?
Молчание ведь всегда ловко, уютно, уместно.
Построим из кресел и пледов, с любовью и тщанием
Молчательный Штабик, в котором тепло и тесно,

В котором тарелочка: виноград, грецкий орех, урюк;
В котором бутылка джеймсона, несколько разных кружек;
В котором четыре наших макушечки, восемь рук,
А ноги и туловища не помещаются, они снаружи.

И тут же, внутри, из игрушечных стульев
и носового платка
Такой же, но крохотный штабик,
в масштабе один к сорока,

Двести кубических сантиметров
темноты, полусна, покоя.
Место, в которое нам не влезть,
вот что это такое.

лейз

Я помню время, когда ещё
«Лейз» фасовали в Польше,
И помню джин-тоник очаковский,
лет за пятьсот до яги.

Природе я верю меньше,
химкомбинатам больше,
И им присягнул, и никто
не видел моей присяги.

Я там, где Природа и Родина
поют над станцией ночью,
где Родина по карманам
рассовывает цистерны

С дарами Природы и Химии.
И, уложив, бормочет
Над ними, диспетчерским голосом,
смазанным, медным, нервным.

На станции пересменка,
и синие светофоры
На всех путях разрешают
манёвры, рейв, веселиться.

Верю что Будущее
— с нуль-транспортировкой,
— небоскрёбами,
— монорельсами,
— звездолётами,
будет скоро.

Лиловая яга в венах моих,
как будущего частица.

лента

Но сколько магнитной ленты хранили
жители этих мест!
На летних деревьях, столбах, проводах —
шуршание, трепет, блеск.
Я в детстве планировал, знаете, стать
(уже не планирую, нет)
Снимателем-с-веток, спасителем звука,
распутывателем лент.

Вся плёнка на сгибах обшаркана пыльным
ветром, отмыта дождём.
Что было там:
Сева Норильский?
Шизгара?
Младенческий смех?
Порадуемся за тех, кто от этой работы —
распутывать звуки —
освобождён.

Иными словами, порадуемся за всех.

МИНИМАЛИЗМ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Дао – универсальный закон вселенной. Путь перемен. Открыт в Китае Лао-цзы в 5 веке до нашей эры.

В Европе его открыл Мопертюи в XVIII веке. Принцип наименьшего действия. Из него выводятся все физические законы.

Старый учитель нашел и способ приблизиться человеку к правильности. У-вэй – недеяние в простом переводе; имеется в виду минимальное действие. Невозмущающее вмешательство в ход вещей. Оно же оказывается наиболее эффективным. (В русской мысли аналогом является учение св. Серафима Саровского о «стяжании благодати»).

Дао поэта – язык. Дао языка – поэзия.

В русской поэзии совершенным выражением у-вэй является стихотворение Всеволода Некрасова:

Погоди

я посмотрю

как идут

облака

как идут дела

Возникновение русского минимализма как будто бы соответствует мировой (европейской) тенденции, и в то же время он обогащен нашими специфическими разочарованиями. Когда стало ясно, что зашли не туда.

Об этом еще у Платонова в «Чевенгуре»:

Люди ... очень рано почали действовать, мало поняв. Следует, елико возможно, держать свои действия в ущербе, дабы давать волю созерцательной половине души. Созерцание - это самообучение из чуждых происшествий. Пускай же как можно длительнее учатся люди обстоятельствам природы, чтобы начать свои действия поздно, но безошибочно, прочно и с оружием зрелого опыта в деснице... Достаточно оставить историю на пятьдесят лет в покое, чтобы все без усилий достигли упоительного благополучия. (Нельзя не заметить иронию в конце).

А первым был Евгений Кропивницкий (1893-1979):

Мне очень нравится когда

Тепло и сыро. И когда

*Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Все словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.*

1940

Отказ от пафоса, простое, но эффективное построение, прямой взгляд на жизнь – все это создавало предпосылки дальнейшего развития, в том числе в сторону минимализма.

Разумеется, вся эта линия развития происходила полностью вне официальной советской культуры. «Дед» Кропивницкий показал своим ученикам, что можно жить в искусстве, не обращая на нее внимания. Аскетизм в жизни, аскетизм поэтических приемов. Ученики – Холин (1920-1999) и Сапгир (1928-1999); в конце 1950-х – начале 60-х примкнули Некрасов и Сатуновский. Минималистская линия присутствовала в разной степени у всех.

Греми гром

Греми

Лей дождь

Лей

Кренись дерево

Кренись

Расти трава

Расти

Всё для меня

или

Траурная

Процессия

Одним грустно

Другим весело

Несут крюк

Хоронят крюк

Заступ стук

Крюку каюк

Это Игорь Холин, чьи на редкость прочные конструкции приводят на память формулу Даниила Хармса:

Стихи надо писать так, что если бросить стихотворение в окно, то стекло разобьется.

Ялта.

Курзал.

Борьба за мир.

Камня на камне.

Только план, и тлен телевизоров.

(Сатуновский)

Отказ от инерционной традиции:

это рифма, сволочь, гадит,

ты не верь ей, братик!

Характерна эволюция Яна Сатуновского (1913-1982). Его поэтика до знакомства с лианозовцами представляет собой развитие конструктивизма (Сельвинский, Иван Аксенов, Егор Оболдуев, Иван Пулькин).

Зэк был констриком, но с новолефовским уклоном.

Как-никак, а без Маяковского никак.

Зэк был зэк, и по естественным законам

зэка кончили в колымских лагерях.

После 1961 года его стихи становятся все короче:

Мы были здесь осенью,

когда всё пламенело,

и всё знаменело.

Но для зимнего леса

нужны только ватман и тушь,

только ватман и тушь...

и герметичнее:

И та же чертовня из-за забора,

и та, или не та,

коза,

или корова,

и тёткин говорок ("таё-моё");

но лейтенант - не тот;

тот был майор.

Наиболее последовательным и радикальным был Всеволод Некрасов (1934-2009). В результате он занял центральное положение в современной русской поэзии. «Некрасов совершил в поэзии вовсе не областную революцию, причем революцию совершенно бескровную – без всяких потерь»¹¹. Сопоставления с Державиным и Хлебниковым не являются преувеличенными. [Сам Некрасов признает большое влияние на него Николая Глазкова (1919-1979), культивировавшего, в частности, «краткостишия»]. В целом минималистская стратегия сочетается с максимальным тематическим охватом – так сказать, «и вечное и поперечное».

Кремль кремль

Нерль Нерль

Строили

На Нерли

Построили

На Нерли

Они

Померли

А мы

Я не помню

Действие этих стихов охарактеризовано одним из читателей самиздата как «очищение подкорки». Ирония – аннигиляция суеты. Совершенно

естественным образом встроенная экологичность. И конечно, несогласие на зло. Словесность, не создающая шума.

«Речь чего она хочет» (тот же Некрасов).

(В смысле, внутренняя речь, преимущественно).

В Ленинграде оригинальным и последовательным минималистом был Леонид Виноградов (1936-2004). Уже в конце 50-х он делал маленькие книжечки, составленные из моностихов. Только в конце 90-х его книги начали выходить типографским способом.

Москва. Метель.

Скрип петель.

Москва. Отель.

Вид оттель.

Нельзя не вспомнить также Олега Григорьева (1943-1992). Его стихам присущи изустность, демократизм, не случайно некоторые из них стали частью городского фольклора. Своеобразное щегольство – минимальными средствами достичь художественного эффекта (как в рисунках Герты Неменовой).

Пойду домой, пожалуйюсь маме,

Что луна зажата двумя домами.

или

— Когда вернешься? — спросила мама.

— Когда людей станет мало.

Венозные толпы спальных районов...Даниил Хармс предполагал, что жизнь может победить смерть каким-то неизвестным способом.

Вопрос остается открытым.

Христос воскрес

Воистину воскрес

Что и требовалось

Доказать

Иван Ахметьев

КУЗЬМА КУРВИЧ (Самара)

Кузьма Курвич - псевдоним самарского поэта - участника творческого объединения "Веселье Ебинизера". Издается в собственном самиздательстве, а так же в литературных журналах регионального значения.

Совершеннолетие
Совершенно йети я

Несколько раз прав
Несколько расправ

Муравьеды рифмуются с людоедами
Совпадение? Не думаю

Тольячьи нежности

Жирнее всех живых!

ПАНЧЛАЙН

Всегда осторожен –
Всегда в трусах "в горошек".

Строгий как прием анализов с 8:00 до 9:30.
Привстал на рога, как на цыпочки
После двух кругов гусиного шага.

САМАРА-МОСКВА

Водонапорные башни вдоль железнодорожного полотна,
Как много вас, но с каждой хотелось бы провести вечер.

Ты помнишь, как горел тольяттинский лес
За спиной, после того как был секс?

Откуда-то вкус пыльцы у тебя во рту
В промозглом октябре...

Со сцены хорошо видно кладбище.
Галёрка или почётная ложа?

Кап-кап-кап
Капелька за капелькой
Кровища

Тупая мразь,
Мне очень жаль, что ты тупая мразь.

что значит, что ты не такая?
получается, что я такой.

Тетрадь в линейку – армия
Тетрадь в клетку – тюрьма
Так считает лохматый Кузьма

ЛАДО МИРАНИЯ (Тройник)

- г.р. 1968, Участник лит. группы "Олимпийские игры", Фактический редактор ряда не подцензурных изданий. Стихи публиковались в самиздате, Интернете, различных бумажных изданиях. Несколько текстов переведено на марсианский язык.

главное

что бы

минимализм

был

а там и

трава не расти

* * *

учился

десять лет на изменах

а мой то

минимализм

поболее

твоего

будет

упал

отжался

не получил букера

20 страниц нытья

найдут в катакомбах

через 200 лет

уже артефакт

садись за руль

эммануил

катись на нил

эммануил

вдоль нила нива

а в ниле ил

ныряй на "ниве"

сразу в нил

тебе мил ил

эммануил

там ждёт тебя

твой крокодил

* * *

дружба

фройндшафт

казачёк

пиво

счастье

мужичок

ВЫПУСТИТЕ МОЯ ОБРАТНА

www.www.www.www!

mo ja!

interneta!

когда

говорят

все не зная

о чём

чаю выпью

ВОЗМОЖНО

МИНИМАЛИСТ

я

его

зафрендил

Господь Бог

его

расфрендил

Господь Бог

когда

Господь

расфрендил

а дьявол

не раскусил

болтаешься

в нирване

забаненый

клобук во клоабе

не носи

больно лбу

блоу – ап

* * *

рубал харчо мачо

* * *

не осилив

квасил

боэций устал от провокаций

шелест машин за окном

не скоро рассвет

пьяною мордой бьюся о клави

сместим смыслы

повращаем дискурсы

и на дачу

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ-КРОТКОВ (Москва)

Родился в 1959 году. Закончил Московский государственный институт культуры. Первые поэтические публикации появились в самиздате, а в 1989 г. - в эмигрантских изданиях "Континент" и "Мулета" в Париже. Также с 1989 года начал публиковаться на родине. Печатался в различных журналах, коллективных сборниках и антологиях как в России, так и за рубежом. Стихи переведены на большинство европейских языков. Автор нескольких поэтических книг.

* * *

что я хочу сказать

ну

в общем-то

ничего

но

если можно

конечно

то

чтоб еще и вас

здесь не было

* * *

когда-то

и он
был человеком

это
ему
не мешает

* * *

я думаю
я не думаю
так

не иначе

* * *

ему нравится
что ей нравится
что тебе нравится
что мне нравится
что вам не нравится

* * *

без обид
конечно
без обид

всех
не обидишь
* * *
проще
той простоты

без воровства

* * *

взалкал

и

лайкнул

* * *

so far so good

утро покажет

* * *

сначала

говорит

давай сначала

что ж

начинаю

в начале

было

слово

* * *

пока мы еще

не знаем

как слово наше отзовется

не послать бы их

всех

поскорее

и еще раз

и еще

много много раз

* * *

(фэйсбучное)

имярек и имярек расстались друзьями

* * *

семь раз отмерь и -

ничего лишнего

* * *

нет

не взыскую

а если бы даже и...

нет же

* * *

(неоконченное)

прощай немытая

ГЕРМАН ЛУКОМНИКОВ (Москва)

Поэт, палиндромист, перформер, антологист. Родился в 1962 в Баку. С 1975 живёт в Москве. Участвовал в составлении "Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии" (вместе с С. Фединым) и двухтомной антологии "Русские стихи 1950—2000 годов" (вместе с И. Ахметьевым, В. Орловым и А. Урицким). Автор 12 поэтических книг. Победитель Московского Большого поэтического слэма 2006, занял 2-е место на Всемирном слэме 2015 в Париже.

* * *

Тут такое происходит!

Солнце всходит

И заходит!

* * *

Снизу твердь и сверху твердь.

Всюду жизнь и всюду смерть.

** *

К нам идёт цунами.

Оставайтесь с нами.

* * *

Все кричали «Распни Его!»,

А я всего лишь «Раз пни Его...»

* * *

выходят на арену силачи

пред ними суд и правда всё молчи

* * *

Что упоение в бою?

Вот бездны мрачной на краю...

* * *

На нас напала

Орда Сарданапала,

А на Сарданапала

Нас орда напала!

* * *

Человек нежней цветочка,
Так легко его убить,
Может нам любой дракончик
Руки-ноги откусить.

* * *

Согласно всем драконовским законам,
Дракона победив, я становлюсь драконом.

* * *

Дал мне по морде
Какой-то урод.
Ясное дело —
Преступность растёт.

* * *

Что за крики,
Что за хруст,
Уважаемый
Прокруст?!

* * *

Мы закусает вас до крови, до кости...
Добро пожаловать в Театр Жестокости!

* * *

я однажды всех порвал
потом три года зашивал

* * *

которые тут временные

слазь

дай рвущемуся к власти навластноваться всласть

* * *

Пришла гора к Магомету,

А Магомета нету —

Ни дома, ни во дворе...

Видно, ушёл к горе.

* * *

милые добрые жалкие мы

славно пируем во время чумы

* * *

полжизни по лжи

полжизни не по лжи

потом опять полжизни по лжи

* * *

Что ж вы, гады, судите?

Ведь судимы будете!

А вот мы не судим,

Да не судимы будем.

* * *

Прокурор ты прокурор

ты Расскажи мне про курорты
про курорты про курорты
про курортики мои.

* * *

Продана совесть,
Потеряна честь...
Никто меня не любит
Таким, какой я есть.

* * *

Спасибо за контрольный выстрел!
Он всё существенно убыстрил.

* * *

Позабочусь о бомже:
Заведу ему ЖЖ.

* * *

Если не я, то кто же
Получит сейчас по роже?

* * *

Каждая кухарка
Может в супчик харкать.

* * *

Мы уселись на насест.
Почему нас кто-то ест?!

ПАЛИНДРОМЫ

* * *

— Ад у нас, отче...

— Что-с? А, ну да...

* * *

Я не молчу, оно учло меня.

ИВАН АХМЕТЬЕВ (Москва)

Родился в 1950 году. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Новое литературное обозрение» и др. Выступает в качестве публикатора поэзии и прозы 1950—1980-х гг. (Евгений Кропивницкий, Ян Сатуновский, Павел Улитин и др.); соредактор поэтического раздела антологии «Самиздат века», двухтомной антологии "Русские стихи 1950—2000 годов" (вместе с В. Орловым, Г. Лукомниковым и А. Урицким). Куратор Антологии неофициальной поэзии на сайте «Русская виртуальная библиотека» www.rvb.ru/nr Стихи переведены на 10-ть языков мира. Лауреат Премии Андрея Белого (2013).

* * *

настал прекрасный понедельник
кто красный, тот живет без денег

* * *

ну-ка дай-ка
ты не ловок

* * *

моя милиция меня бережет
моя торговля меня обслуживает

* * *

он в черепе сотней поэтов ворочал

* * *

отец Олег Серенький
который победил
жареную птицу

* * *

и купи калорийную булочку

(это мама так говорила)

* * *

неучам тут не очень

* * *

писать очень трудно

в смысле

не писать

* * *

1

река времен

facebook

2

Вы зачеркнулись, увы

3

френды тебе хорошего хотят

4

там чувства добрые я лайком выражал

* * *

как мертвому три парки

* * *

Крейцера соната

не к ночи будь помянута...

* * *

серость и безнадега

- скажи, Серега?

* * *

блохе кафтан

вообще кошмар

f.p.

1

дождь
общеславянское
происхождение неясно

(из словаря)

2

Жизнь проходит. Дни мелькают.
Скоро будем стариками.

(из письма Н.С. Архипповой А.В. Звенигородскому от 28 декабря 1925)

3

волонтеры
навещают
ветеранов

* * *

населения полно
население больно

(в Африке)

* * *

пора запастись справкой
что ты патриот

* * *

по правде сказать,
иногда пропускаю...

но это вот, да.

* * *

уже написан Вертер

уже родился Ленин

АЙВЕНГО 1971 г.р. Тройник, в 90-х участник лит. группы «Олимпийские Игры». Тексты в самиздате, Интернете, различных бумажных изданиях. Несколько стихов переведено на фр. язык. Книга «Стихи Как Стихи» (2015 год).

* * *

ВХОД

И

ВЫХОД

ВЫДОХ

И

ВДОХ

* * *

О ЧЁМ

да не о чём

* * *

слушаю друга

такой кайф

* * *

как здорово просто читать

* * *

ТЫ ТОЖЕ ТАК ДУМАЕШЬ

* * *

ПОСМОТРИ

а ты уже видел

* * *

деревья деревья деревья

дети

* * *

залил за воротник

* * *

и этот снег

тоже растает

* * *

птица

взлетела

* * *

три секунды прошло

а вот идёт четвёртая

* * *

трясогузка не грусти

и я не буду

* * *

кошка пьёт молоко

и

старушка пьёт молоко

* * *

звёзды

моря

земли

мороженое

плюхнулось

на асфальт

* * *

снизошло откровение

нет

не снизошло

* * *

пустая бутылка

хочет быть полной

и холодильник тоже

* * *

мне бы твой английский

я б Шекспира читал

* * *

мысли мысли

мысли

а я что делаю

* * *

проснулся

всё понял

и опять уснул

* * *

дудульки загремели в мусоропроводе

Владислав Кураш

Дуэль

...Факты будут считаться чем-то постыдным, Истина пригорюнится в своих оковах, а Поэзия со своими сказками снова вернётся на землю. Картина мира преобразится перед нашими изумлёнными взорами. Из пучины морей выйдут Бегемот и Левиафан и поплывут вокруг высоких галер, как они плавали на прелестных картах той эпохи, когда книги по географии ещё были пригодны для чтения. Драконы закопошатся в пустынях, и Феникс взовьётся в воздух из своего огневого гнезда. Жуя золотой овёс, Гиппогриф будет стоять в наших стойлах, а над головами у нас будет носиться Синяя птица с песнями о прекрасном, несбыточном, о пленительном и невозможном, о том, чего нет и не будет.

Оскар Уайльд

Они встретились на перекрёстке Терезова и Воскресенской. Встреча была неожиданной для обоих.

- Давно не виделись,- сказал Валентин, засовывая руки в карманы.

- Давненько,- согласился Алексей, засовывая руки в карманы.

Их лица не выражали никаких чувств – сложно было понять, рады они встрече или нет.

Они встретились совершенно случайно. Один шёл по Воскресенской в направлении Петропавловской. Другой поднимался по Терезова на Соборную. Было двенадцать часов дня – время ланча.

Встретившись, они моментально позабыли обо всех своих делах, полностью сосредоточившись друг на друге.

Валентин окинул Алексея взглядом и отметил для себя несколько немаловажных деталей: чёрный фетровый стетсон с большими полями, как у ковбоев, и широкий серый плащ с красноречивыми глубокими карманами. Алексей сделал то же самое, заакцентировав своё внимание на байкерской бандане Валентина с костяшками и черепами и харлеевской кожаной куртке с такими же, как и у него, красноречивыми глубокими карманами.

На перекрёстке было очень людно, что немного обескураживало обоих. Стараясь не выпускать Алексея из поля зрения, Валентин посмотрел на часы Спасо-Преображенского собора.

- Может, выпьем по чашечке кофе,- предложил он, не зная, как лучше поступить.

- Давай, выпьем,- согласился Алексей, сам не зная, как лучше поступить.

Они зашли в «Чайкофф» и заказали кофе. Кафе было битком набито людьми, всё же нашёлся свободный столик. Не вынимая рук из карманов, они сели за столик друг напротив друга.

- Какими судьбами здесь?- после некоторого молчания спросил Валентин, не зная с чего начать.

- Проездом,- ответил Алексей.- А ты какими судьбами?

- Тоже проездом,- ответил Валентин.

Официант принёс кофе и счёт.

- Давно вернулся?- снова спросил Валентин, не спуская глаз с собеседника.

- Полгода назад,- сказал Алексей, не спуская глаз с Валентина.

- А я только вчера.

- Долго же тебя мотало.

За окном пошёл дождь, и в кафе набилось ещё больше людей. Чуть ли не одновременно Валентина и Алексея посетило желание закурить, но они не решились вынуть рук из карманов. На столике стоял дымящийся кофе.

- Где же ты всё это время был, в Лиссабоне?- спросил Алексей, разглядывая байкерскую бандану Валентина.

- Не только,- сказал тот, изучая ковбойский стетсон Алексея.- Из Лиссабона я уехал в Мадрид – еле ноги унёс. И месяц провалялся там в госпитале с воспалением лёгких.

- Признаться честно, я не ожидал тебя больше встретить,- сказал Алексей, продолжая внимательно разглядывать Валентина. Он всё ещё не верил своим глазам.- Я думал, ты утонул.

- Меня подобрала местная рыбаки, в трёх милях от берега,- слегка скривившись, сказал Валентин. Видно, эти воспоминания были ему неприятны.- Если бы не рыбаки, мы, вряд ли, с тобою встретились бы.

- А о Роме тебе что-либо известно?

- Нет. А тебе?

- Последний раз я видел его в Риме. Незадолго до того, как уехать домой. Но это было уже больше полугода назад. Он был очень жалок и выглядел, как бродяга. Занял у меня немного денег. Больше я его не видел. Зато видел Ангелину.

- Ну и как она поживает?

- Не знаю, но, судя по всему, дела у неё в порядке. Я с ней не разговаривал, я видел её только издалека. Она проезжала в шикарном ландо по Via Nazionale.

- Хорошо, хоть у кого-то дела в порядке,- сардонически ухмыльнулся Валентин.- Ты-то чем здесь занимаешься?

- Я постоянно в разъездах. И дома бываю крайне редко,- скороговоркой ответил Алексей. У него не было особого желания разговаривать о делах. И, тем не менее, он спросил.- А ты чем собираешься заниматься?

- Ещё не знаю. Для начала проедусь по старым знакомым. Огляжусь. Посмотрю, что к чему.

Дождь закончился, и кафе опустело.

- А я думал, что ты не вернёшься. Не страшно?- снова сардонически ухмыльнулся Валентин.

- А кого мне бояться?- впился глазами в Валентина Алексей.

- Ну, не знаю,- многозначительно ухмыляясь, отвёл в сторону взгляд Валентин. Какую-то долю секунды он не смотрел на Алексея.

- А ты, я вижу, никого не боишься,- на этот раз сардонически ухмыльнулся Алексей.

- Страх – удел слабаков,- совершенно серьёзно сказал Валентин.

- Вот и поговорили,- задумчиво произнёс Алексей.

- Вот и поговорили,- утвердительно повторил за ним Валентин.

Стараясь не выпускать Валентина из поля зрения, Алексей посмотрел в окно, на часы Спасо-Преображенского собора.

- Ну, мне пора,- сказал он, вставая из-за стола.

- Я заплачу за кофе,- оставаясь на месте, сказал Валентин.

На столике стоял остывший нетронутый кофе. Не вынимая рук из карманов, ощущая спиной на себе тяжёлый взгляд Валентина, Алексей прошёл через небольшой зал кафе и вышел на улицу. На улице он с облегчением вздохнул и быстро зашагал прочь. Пройдя несколько кварталов, он остановился и огляделся по сторонам, но никого подозрительного поблизости не увидел. Только тогда он вынул руки из карманов, в одном из которых был снятый с предохранителя девятизарядный бразильский люгер калибра 9 миллиметров. Он жадно выкурил сигарету, постоял ещё несколько минут, поглядывая по сторонам, и пошёл дальше.

Когда Алексей вышел из кафе, Валентин с облегчением вздохнул. Посидев ещё минут десять, убедившись, что никого подозрительного поблизости нет, он вынул руки из карманов, в одном из которых был финский нож ручной работы с широким клиновидным лезвием двугранной заточки. Он жадно выкурил сигарету, рассчитался с официантом и вышел из кафе. На секунду задержавшись в дверях, он подозрительно огляделся по сторонам и быстро зашагал прочь в противоположном направлении.

Снова пошёл дождь, подгоняя одиноких прохожих, щедро поливая тротуарную плитку на обезлюдевших улицах.

Мария Ченцова

ЧАСЫ

Рассказ

Марина проснулась раньше будильника. Она посмотрела на часы: стрелки-усы показывали семь утра. Девочка потянулась — из тёплого конверта показались ладони и ступни. Марина посчитала от десяти до одного, как ее учил дядя, чтобы быстро встать. Потом, сбросив резко одеяло на пол, села на кровати. Она зевнула, посмотрела на потолок и пошла к ванной. Но, не дойдя несколько шагов, вернулась в комнату, встала около окна и стала смотреть на весенний двор. Она глядела на снег и пыталась мысленно вдохнуть его запах. Она вообразила, как едет по лыжной трассе, как обгоняет впереди идущих, как ощущает солоноватый привкус во рту от холодного воздуха. Ее охватила привычная дрожь перед соревнованиями.

Сегодня воскресенье и закрытие сезона — эстафета. Она бежит первым этапом. У нее похолодели ладони, и она стала гнать мысли о соревнованиях. Боялась, что растеряет настрой. Тренер Светлана Ивановна всегда ей говорила за день до гонки: «Марина, а ты лучше вообще ни о чем не думай! Пользы будет больше. Ты просто разозлишься и пробеги хорошо!». Она стала заплетать косички из бахромы оконной занавески. Она считала: «Раз, два, три!». Она плела и смотрела на еще темное небо и считала звезды. Тут она мысленно представила, как стартует, как вырывается на поляне одна из первых, и вклинивается на первый, самый сложный подъём. А потом одна петля — спуск, подъём, вторая — подъём - спуск, проезд по прямой и выезд на поляну лыжной базы.

Эстафета три километра — в этом году она перешла в средний возраст. Ей десять лет — первый юбилей. Ей подарили первые часы — квадратный циферблат, по синему полю мелкими звездами разбросаны цифры. Она думала: «А может, есть такое созвездие Часов? Надо спросить у папы. Очень бы хотелось, чтобы было. А если нет, то оно вот, на моих часах». А еще она гордилась тем, что часовой механизм очень старый — от первых маминых часов, которые ей подарил папа, Маринин дедушка, на окончание школы. Девочка никогда его не видела, но радовалась, что у нее есть дедушкин подарок.

Первое время она по несколько раз в день подносила левую руку к лицу и пристально смотрела на стрелки и дожидалась, когда большая дрогнет и сдвинется с места. Особенно часы помогали, когда она получала в школе

тройку или падала или ссорилась с подружками. В такие моменты она думала: «У меня на руке — часы!». И проходили и грусть, и плохое настроение.

Марина думала: «Надеть часы на сегодняшнюю гонку или нет? Жалко очень, но будет спокойнее. Они как будто помогают. Вот на прошлое соревнование не надела — и что, проиграла. Каких-то десяти секунд не хватило до первого юношеского разряда. И даже знаю где — на последнем подъеме пожалела себя, не поднажала, не выложились. Надену!».

Она тихо прошла в ванную, умылась, почистила зубы, забрала сложенную с вечера сумку из комнаты. В кухне зажгла свет, поставила вариться овсянку.

На белом столе стояла глубокая тарелка, наполненная крашеными пасхальными яйцами. Вчера Марине так нравилось смотреть, как папа их красил. Она сидела на табуретке около окна и сдирала луковую шелуху. Отец налил в большую кастрюлю воды, опустил шелуху, которая не сразу тонула, а плавала, словно крупные лепестки цветов, и поставил на плиту. Вода закипела и он аккуратно, положив каждое яйцо в ложку, опускал их в ставшую ржавой воду. Через десять минут он слил с кастрюли кипящую воду, налил холодную, а еще через пятнадцать минут выложил яйца в тарелку с зеленой каемочкой.

Марина правой рукой помешивала кашу, а левой легко дотрагивалась до яиц. Гладенькие, но не все ровно покрашенные яйца так и притягивали ее.

Она вспомнила, что Пасху в ее семье отмечают второй раз. Первый, в прошлом, в восемьдесят шестом году, ей запомнился тем, что утро было солнечное, снег почти весь сошел, а стоящая на подоконнике верба пустила небольшие корешки.

Они всей семьей — папа, мама, она и младший брат Вова — собрались на кухне. Мама сказала папе: «Христос Воскрес!», а он ей ответил: «Воистину Воскрес!». И показал Марине с Вовкой, как можно «биться» яйцами. На маринино счастье, она дольше всех продержалась: папа с братом брали уже по третьему яйцу, а она своим непобедимым яйцом растрескивала их с обоих концов. «Побеждённые» яйца сиротливо лежали на плоской тарелке и ждали, когда их съедят. Потом пришли соседи, и родители пошли их поздравлять.

Марина доваривала кашу и вспоминала, а что же еще было в день её первой пасхи. Но почему-то больше ничего не вспоминалось.

Она доварила кашу, выложила в тарелку и начала есть. Посмотрела на часы и увидела, что уже почти восемь часов, а выходить ей в пятнадцать минут девятого. Марина ела кашу, а сама смотрела на грудку яиц. И тут она отложила ложку, встала и подошла к тарелке.

Она взяла в каждую руку по яйцу, удобно зажала в левой руке одно, а вторым примерилась и острым концом ударила: леворучное яйцо треснуло. Марина запрыгала от радости и тихо прокричала: «Ура!». Потом перевернула на другую сторону и ударила еще раз — опять победа! Девочка вытащила крупную плоскую тарелку, и треснувшее яйцо положила в центр. Она смотрела на одинокое яйцо и жалела его как побежденного врага. Тут она подумала: «Не переживай, скоро ты будешь не одинок!»». Взяла в левую руку следующее тупым концом вверх и ударила по нему: хрясь, и, как ей казалось, вечно непобедимое яйцо покрылось трещинами и переключалось в левую руку, а новый победитель — в правую.

Куча треснутых яиц росла. У Марины от азарта порозовели щеки. Она подула на густую челку, чтобы не мешала. От волнения ее руки потели, и она вытирала их о свитер. В кухне только слышалось: «треск-треск», «хрясь-хрясь», «ранен», «убит», «молодец». Можно подумать, что кто-то в такую рань сам с собой играет в «морской бой».

Марина уже не смотрела на тарелку, когда надо было потянуться за очередным снарядом. И только когда ее рука нашарила пустоту, то, взглянув на пустую тарелку и на яйцо-победителя, она поняла, что пасхальная битва окончена.

Ей показалось, что прошло много времени, а взглянув на часы, увидела, что большая стрелка как раз подошла к десяти минутам. Она весело подмигнула большой стрелке-усику, сверху на гору аккуратно поставила победившее яйцо и пошла одеваться.

Она вышла из подъезда, вдохнула воздух, который перестал быть колючим, и обрадовалась: наконец-то запахло весной. Она взяла горсть снега, поднесла близко к лицу и принялась — пахло яблоками, мороженым и мокрыми ветками. Марина шла по направлению к автобусной остановке и думала: «Вот бы сегодня обогнать Катю Полеву!»». Ее фамилия ей всегда казалась летней.

В три часа дня Марина поднималась по лестнице к себе на четвертый этаж. Она не стала ждать лифта, а медленно шла и считала ступеньки. Она раз за разом прокручивала сегодняшнюю гонку:

«Снег действительно оказался такой, что как говорится, «катили любые дрова». За двадцать минут до эстафеты Светлана Ивановна настраивала всех на гонку — она убеждала всех не бояться, объясняла, что лыжи хорошо подготовлены. Ее черная голова поворачивалась то в одну сторону, то в другую — она хотела, чтобы ее слышали все. Она смотрела на каждую девочку и каждой говорила что-то свое. Тае Кузнецовой сказала: «Тебе упорнее работать в подъем! На спуске отдохнешь! Просто ты себя жалеешь

там, где сложнее!». Ире Протасовой: «Ты бежишь вторым этапом — половину гонки пристраиваешься за кем-то, а в конце обгоняешь и ускоряешься!». Алене Хромовой: «Алена, очень прошу, пожалуйста, аккуратнее на спуске — пониже присядь и прижми крепче руки к бокам. Потеряешь при падении на спуске десять секунд — потом сложно наверстывать». А Марине сказала: «А ты лучше вообще не думай! Ты же на первом этапе — просто глаза вперёд, чаще работай руками и ногами, и захоти победить! Все, на выход!».

На старте девочки выстроились в шеренгу. На Марине висел матерчатый номер «13». Через одну девочку стояла Катя Полевая — она тоже бежала первым этапом. Она опиралась на палки и казалось, что уже бежала. Взгляд упорный, маленькая морщинка залегла между бровями, веснушки напоминали разбрызганный по лицу морковный сок, выбившуюся из-под шапки светло-рыжую прядь свободно колыхал ветер. Марина тоже стала смотреть вперед, сильнее сжала рукоятки палок. Но в последний момент приподняла рукав ветровки и посмотрела на часы. И через десять секунд по полюне пронеслось: «Старт!».

Марина не помнила всей гонки. В памяти только осталось то, что на середине поляны ей кто-то наступил на палку, и она, слетев с руки, упала. Пока Марина с громко бьющимся сердцем поднимала ее, почти все стартующие оказались впереди. Но, посмотрев на часы, она сказала тихо: «Помогите!» и побежала, не помня себя. На финиш она приехала третьей, обогнав, Катю Полевою на пять секунд. Хлопнув Алену по плечу, передав эстафету, она села на корточки и, уставившись в блестящий на солнце снег, стала сплевывать соленую слюну. В горле саднило, руки немного тряслись, но в душе было столько ликования — я победила Катю Полевою! Первый раз!».

Чтобы еще раз вспомнить часть гонки, Марина специально спустилась на один этаж и снова стала подниматься.

Марина открыла коричневую дерматиновую дверь. Стала раздеваться и прислушиваться: через закрытую кухонную дверь слышалось грозное «бу-бу-бу».

Она побросала одежду около порога, зашла в кухню и громко сказала: «А я сегодня выиграла у Полевой!». Но Марина наткнулась на молчание. Отец сидел за столом, а перед ним стояла тарелка побеждённых яиц. Вова жался в углу кухни, около холодильника. Мама стояла около раковины и держала в руках синее мокрое полотенце.

Отец громко крикнул: «Это ты переколотила яйца? Ты чего, совсем уже?».

- Петя, не кричи на нее, - тихо сказала мама.

- Будешь ты мне указывать, что говорить! Нет, ты подумай! Все до одного! Что я людям дам, когда они к нам придут? Да сейчас в магазинах ни одного яйца нет — все пораскупали! Где сейчас купишь? - кричал он еще громче. Его лицо покраснело, маленькие серые глазки, похожие на собачьи, утонули в мелких морщинках. Крупный кулак ударил по столу — тарелка с яйцами немного отодвинулась.

- Папа, правда, я не знала, что их нельзя бить. Ты же помнишь... - лепетала Марина.

- Когда я тебе такое говорил! - перебил отец. Он отвернулся к окну, сжал в комок занавеску. Потоптался на месте, подскочил к маме, вырвал у нее полотенце, начал мять в руках и, размахнувшись, бросил в угол, где стоял Вовка.

Он подошел к Марине, отпихнул ее и вышел из кухни. А девочка жалобно говорила ему вслед: «Папочка, я, правда, не знала, не знала...». Она смотрела на маму, но та отвернулась и стала мыть посуду. Она подошла к брату, и тот положил ей руку на плечо. Марина постояла так несколько минут и пошла в детскую. Около двери она услышала, как раздался звонок.

Она стояла около окна и смотрела на залитый солнцем двор. Около песочницы восторженно прыгали воробьи, приветствуя весну. По щекам девочки текли слезы. Она комкала в кулаке занавеску. И думала про себя: «Ну, почему же он мне не верит? Почему? Ведь я правда не знала!».

Тут Марина посмотрела на циферблат и представила, что она не в своей комнате, а бежит по синему полю от одной цифры к другой, потом падает в синюю траву и кричит: «Эге-ге-гей!». И ей постепенно становится легче. Слезы понемногу высыхают, словно лужи на летнем солнце, откуда-то взявшийся в горле комок пропадает, дыхание выравнивается.

В сердце, правда, поселяется какая-то соринка, но, глядя на весёлых воробьев, Марина её почти не ощущает.

Она смотрит и говорит: «У меня на руке - часы!».

Шестеро. Екатеринбург

(с речами Сергея Ивкина)

Речь первая. Нина Александрова

Однажды Филипу Киндреду Дику сказали, что его способ мышления и манера подачи историй скорее подошла бы для поэзии, чем для прозы, тем более фантастической, на что классик парировал: «А я и пишу стихи. Просто для полноценного выражения моей идеи мне нужен совершенно конкретный объём. И издателю этот объём проще продать под видом романа, не поминая Уолта Уитмена и Аллена Гинсбурга». Нина Александрова в понимании многих просто записывает прозу в столбик, поскольку круг поэтов в Екатеринбурге во многом интереснее круга прозаиков... А сейчас всерьёз. Для меня лично поэт начинается с ответа на вопрос: «Зачем?» Сам для себя я ответил: «Чтобы передавать состояния, за которым каждый читатель откроет собственное знание, чтобы создавать двери между привычным и зачарованным в человеке». У Нины я прочитал близкий мне ответ, вот только Нина разрабатывает своё письмо более подробно, полагаясь не столько на интуицию, сколько на канонические тексты. И внутри её мира нет разницы между священным писанием и сказкой: всё, что даёт тебе возможность говорить, – сакрально. Самая большая тайна Нины – правильно выстроенные паузы: прочитайте занимательную историю, незаметно войдите в транс, поднимите веки и посмотрите в собственные глаза.

Страшные истории

можно не делать уроки, в раковину вылить суп
все расскажут тебе у ночного костра в лесу

если проснулся в холодном поту и не можешь вдохнуть
значит мертвец приходит ночью и руку кладет на грудь

там за оврагом - Сенька сказал, они с братом видели сами
в норе живут люди, которые воют тонкими голосами

у них одежда из шкур, а головы как у птиц
Сенька с братом сбежали тогда и не разглядели их лиц

в лесу непременно помни, где север, смотри не заблудись

ночью по лесу разъезжает черный велосипедист

он догонит, воткнет отвертку с зеркальной ручкой, в бок
утащит в чащу, выбраться еще ни один не смог

говорят, там его гнездо - но наверное все-таки врут
а Наташка предупреждала, что за деревней - русалочий пруд

ты туда не ходи за водой - особенно по ночам,
у чужих не бери угощение и сама не угощай

в самую лунную ночь у топкой чернильной воды
чтобы пройти в мир мертвых нужно попробовать их еды

это такой позывной, такой колдовской обряд
в мертвые не приглашают кого ни попадя, всех подряд

к черному лесу не становись никогда спиной
в зеркало не гляди, если вокруг темно

не надейся на компас и не верь в гороскоп
правду знает только ученый по фамилии Пропп

книги его всегда носи в школьном своем рюкзаке
выучи отче наш, щепотку соли зажми в кулаке

если сделаешь правильно - все на свете скроет густой туман
и игрушечный зайчик будет вечно в черный бить барабан

Про шамана

у алтайцев, (пишет Вербицкий)
шаман не выбирает
самому стать шаманом,
не принимает свой дар добровольно
всячески сопротивляется
это такой инкубационный период
а дар - как инфекция,
как генетическая аномалия-
передающаяся по наследству.
дух предка рвется в слабое тело,

давит, бьет, наступает на горло,
нападает.
температура - припадки - страшная боль.
потомок - сопротивляется.
не спит, не выполняет ритуалов,
не делает бубна, даже
не ходит вблизи священных мест.
иногда впрочем может отбиться -
не принимать на себя шаманство,
не потакать воле предков.
это как правило обходится дорого -
сумасшествие, смерть.

там все эти симптомы
называют “шаманской болезнью”.
говорят, некоторые могут сопротивляться духам
годами.
а духи - гложут кости шамана,
рвут его мясо,
приказывают камлать,
шепчут тайны вселенной,
кричат о них в оба уха.
наконец одержимый согласен
принять посвящение,
чтобы только освободиться
от постоянного шума
чтобы лечь и уснуть

танцы для солнца
кормление духов с руки,
беседы с демонами,
посиделки с богами
все, что угодно - в обмен
на минуту покоя
на час тишины
на год одиночества
и на целую жизнь для себя самого

Из цикла «Сказки»
Красная шапочка

девочка чешет его за ухом, шепотом говорит
ну пожалуйста ты только на меня посмотри

все, чего я боюсь, я ведь выдумала сама
чувство вины, образ отца и самообман

мне никогда наверное не будет страшно с тобой
волчий твой мех серебряный и еще голубой

он молчит, голову ей кладет на плечо
шумно вздыхает, и дыхание его горячо

волк поводит бархатным ухом, лунным лучом освещен
девочка красный свой откидывает капюшон

и утыкается в волчий мохнатый бок головой
теплая шкура его пахнет мускусом и травой

девочка шепчет, ухо волка мягкое теребя
даже не спрашивай, знаю я почему у тебя

зубы такие большие и голубые глаза
небо густеет, ночью видимо будет гроза

над облаками дрожит маслянистая капля луны
девочка у него на спине спит и не видит сны

в чаще прячутся черные филины и лесные коты
ветви сплетаются в купол, под пологом темноты

он бежит, не касаясь земли, останавливаются часы
мех его в лунном свете сияет жемчужинами росы

Речь вторая. Елена Баянгулова

Стихотворения Елены Баянгуловой немногословны, они ничего не описывают, пророй совершенно не ясно, что ответить на эти обращённые к тебе лично слова. В дзенских монастырях есть такая практика: ученику даётся коан (парадоксальная задача), он на него медитирует, в какой-то момент к нему подходит учитель с палкой и даёт ученику этой палкой по

макушке или затылку... В момент удара ученик имеет шанс обрести просветление (если ученик действительно пытался решить задачу, а не имитировал усердие). Что-то подобное происходит с читателем Елены Баянгуловой: если ему необходим ответ, имя, карта, пространство, голос, ощущение... Елена лишь слегка касается его, нажимает на единственную точку духовной акупунктуры, чтобы у человека мозг внутри черепной коробки развернулся на 45 градусов. Дочитав книгу Елены «Слова как органические соединения» я обрёл пару дополнительных лёгких. Мой брат из города Троицка обнаружил у себя вибриссы, способные ощущать невидимые объекты. Мне крайне интересно: какой новый орган чувств, для прохождения сквозь эти тексты, сумеете себе вырастить вы?

Е.С.

меня учили — если ты знаешь цену словам
ты всегда будешь честным
а все эти заповеди —
свод правил для аморальных личностей
я могла это только выучить наизусть
и никто и ничто
ни церковно-приходская школа
ни шахаду
не переубедили меня в обратном

а сейчас я дарю тебе одно воспоминание
единственное одноразовое уникальное на двоих
потом мы придумаем продолжение
каждый отдельно придумает свое
будет его представлять
увидит его во сне
одно воспоминание на двоих
и годы выдуманной жизни
на противоположных сторонах света

если бы можно было выбирать
город страну часть света
я выбрала бы острова
на которых совсем не бывает суши

Дерево переплывает вброд

Под ногти уходит песок

Уводящий горизонт

дочь рыбака
она же мать

девятая волна — девятого числа

еще раз
что

украденная соль зимы
разбуженная голова и
синяя улыбчивая лошадь

как два лица
как два его лица
— вода

фото из семейного альбома

нескушная часть света
бесполая часть суши
ты мой невчерашний ужин
доеденная конфета
размытое фото в цифре
вот мы в стиле «rawinsider»
картонные стены мнутя

Стоим
вид по пояс
снизу

если бы Ева могла говорить
она говорила бы просто —

Адам мой брат
у нашей любви не может быть глаз
она глуха как камень и водолаз
беззуба и безъязыка — вода
конечно же в жидком ее состоянии
так как лед способен кусать и жалить
Адам мой муж
ты одинок забыт всеми кроме меня
помни кроме меня

Речь третья. Александр Костарев

В истории литературы есть такое шаблонное высказывание: «Как можно писать стихи после... ?» Первоначально вставляли название любого из концентрационных лагерей, пытаясь усовестить аполитичного лирика, закрывающего глаза на международную обстановку. Потом использовалась фамилия Иосифа Александровича для миллионов подсевших на интонацию человека, обладающего слабым сердцем. В наши дни, ковыряя человека, пишущего бытовую лирику, указывают пальцем на «Лицо со шрамом». Однако ученик Бориса Борисовича Рыжего – не обязательно его подражатель. Что делает Александр? Вместо создания новой манеры речи, он совершенствует имеющуюся, чтобы аккуратно упаковать в свойственный ей целлофан эмоции дорогих Александру людей. Зачем? Потому что это сделать невозможно. А хочется. Вот и придумываются всё новые и новые конверты. А мы приходим, разворачиваем и проверяем: Ну и?

А там ни выпендрежа, ни игры... «Стеклянный зверинец» Тенниси Уильямса, да и только... Искусство ради искусства после Дахау и Освенцима.

* * *

Руслану Комадею

Это в глаза – репей.
Горлышко песни где?
Не наступаешь – пей,
пой, закопай в руде.

Вытяни суперприз,
плохо он там лежит.
Небо, рискнув, приблизь,
рыбий глотая жир.

Экая чепуха.
Заново: рыбий жар,
то есть уже уха –
слышишь её навар?

Жаль, по домам пора.
Даром стоят без крыш.
Нижний Тагил – дыра.
Прыгаешь и летишь.

* * *

В школе стареют только учителя,
нежные суффиксы, нервные окончания,
девочки в юбочках фоткаются, скулят,
но, тишину ломая, хранят молчание.

Легкое время вышло наискосок,
после уроков как-то была денюха,
не поцелует, выпьет вишневый сок,
я напишу на парте, что Ленка - шлюха.

Леночка, Лена, лето во всю длину -
небо на ниточке, ниточка на запястье -
пенится, плещется, помнит тебя одну
за красоту какую, какое счастье?

* * *

Ночь скоротечна, сеть густа,
клик до рассвета,
а где-то есть ещё места
без интернета.
И я там был, слова копил,
смотрел на горы,
последней тишиной платил
за разговоры
нетрудные, ложился спать,
когда темнело...

Ритм начинает узнавать

себя несмело.
Метёт, мелодия права,
по всей округе.
Рук-ног кресты и голова
его подруги
возникли сами, стих погиб
катреном выше.
Изгиб спины, судьбы изгиб -
неловко вышло...
Как хорошо всё видно мне:
колени, плечи...
Пространство плавится в огне,
повсюду свечи

горят! И комната горит,
температура.
И врач, вздыхая, говорит:
литература.

* * *

Кутайся и беги —
вот тебе две ноги,
шапочка и перчатки,
наледь по всей брусчатке.

Ты же себе сама
армия да зима,
долгий стоп-кран отбоя,
теплое, дорогое.

Сил никаких для сна,
завтра была весна
слякотью и дорогой.
Спи, ничего не трогай.

Речь четвёртая. Алексей Кудряков

Стихотворениям Алексея Кудрякова комментарий не нужен. Они подробны и достаточны. Всё необходимое о них можно узнать из них самих же,

просто при более внимательном прочтении. Крепкие, словарные, слегка избыточные. Мне лично в них делать нечего, потому-то именно их автор и получит признание публики. Эти слова не для поэтов, они – для стоящих перед зеркалом, а не за ним.

Март

Бесформенные пятна: охра и свинец,
по краю ржавчина, ряд бирюзовых линий,
два сочных розовых мазка и, наконец,
расплывчатый автограф каблуком на глине.

Ни света, ни объёма. Отступив на шаг,
я пристальней взглянул на свой этюд и вскоре
смог различить за ямкой, где стоял башмак,
сырого снега серебристые валёры,

рельефно-белый оседающий сугроб,
чуть тронутый лазурью, известью и сажей,
завалинку, узоры муравьиных троп
(скорей, угадываемых, мельчайших), даже

тень от гвоздя. Но выше начинался плёс,
волнообразные перемещения цвета, –
взгляд потонул и только чудом меж полос
вдруг уцепился за стальную шляпку: это

обитая вагонкой – во всю ширь! – стена.
Затем с опаской, ощупью, рывком, с наскока,
вдоль синих трещинок, по мрамору окна
и цинковому жёлобу – до водостока,

с которого каскадом в тёмное нутро
железной бочки, с чёрной вмятиной, дырявой.
Извилистая струйка ловко и хитро
легла между камней, переходящих в гравий

и в глинистый раскисший снег. Сейчас и здесь,
увидев в будущем своё воспоминанье,
я сожалел, что колорит, фактура – весь
звучащий мир подробнее на расстоянии.

Чем дальше, тем опасней. Чтоб не соскользнуть
в иную – вязкую – бесформенность, где имя
теряется и меркнет свет, дано прильнуть
не к мигу – к видимости, в памяти хранимой.

Из двух картин – которая реальней? – раз
сегодняшнее слепо, будущее зорко.
И розовую кляксу дорисует глаз?
что это: фантик, брошенный платок, заколка?

Стожары

*Есть бытие; но именованием каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье...
Баратынский*

Закладка – на пол, книга – на колени.
В печи давно сгоревшие поленья
пора разворошить, прикрыть трубу.
Но тело, не привыкшее к труду
(хозяйство, дом), утяжеляют лень и
усталость... Полночь, неизвестный страх.
Я чувствую, как бьётся кровь в висках
и сквозь меня проходят поколенья.

Ледащая фигура, спинка стула.
Душа покинула меня, уснула,
стоит, как соглядатай, за плечом?
Как странно быть свидетелем (причём
пристрастным) и героем – то есть гулом
и отзвуком... Ряд снимков на стене.
Нетвёрдый взгляд... Родных – в толпе теней –
угадываю по татарским скулам.

Сижу мальцом в застиранной тельняшке
(нож перочинный затаив в кармашке
коротких брюк), серьёзен, как жених;
зажат в ладони кукурузный жмых,
над тополями – белые барашки...
А выше – поле, чёрная кошма,
махорка, дым (минувшего кошмар),

кирза, портянки, мой глоток из фляжки...

«Цветущий май», сирень, конец урокам,
рука (над *срезанным* плечом), с упрёком
гляжу в глаза его (жаль, не видны).

Не это ль выражение вины
и горечи (полвека будут сроком)
застынет на лице, когда узлом
затянется безвыходность со злом
вкруг нежности старушечьей без прока?

Одариваемый – я меньше дара...
Чуть кружит голову (как бы угара
легчайший бред). Мне не под силу груз!
В сенях, рукой ощупывая брус,
ищу задвижку... темень... два удара:
слепой и резче, – поддаётся дверь.
Ступаю на пружинящую твердь –
земля, огни, мерцание стожара.

Мозаика

Что сердце? огород неполотый...
М. Кузмин

Не огород – скорее, вертоград
непроходимый иль цветник заброшенный:
начало запустения, разлада...
Бог-огородник урожаю рад,
для праведных взрастил небесный Сад,
но, пустоцветная, что луг нескошенный,
душа распаду собственному рада.

Переплетения кустов и трав –
о, как пушицы фонари вблизи горят! –
мне преграждали путь, когда упрямо
я брёл сквозь заросли... Душа, вобрав
всю соль земли, иных взыскует прав:
тесна закона каменная изгородь,
когда за ней открыта панорама.

Я рассмотрел листа живую ткань:
зубцы, прожилки – торжество симметрии,
окраску без отметины болезни, –
и вилами размётанную стлань...
Бессмыслицы сверкающая грань,
душа не тщится вырваться из смерти: и
цветок, и лист, и ветка – бесполезны.

Ни известь, ни железно-серный яд,
ни бром не остановят омертвения,
начавшегося с крапинки, пылинки, –
причудливей становится наряд,
и вглубь уходят корни... Нет назад
пути, раскаяние – род забвения:
душа не меньше мыслящей былинки.

Как тонок увядания узор!
И как догадка, ставшая архаикой:
недуг и совершенство – побратимы, –
горька... Но если это так, то взор,
души болящей оправдав позор,
пусть восхитится листовой мозаикой,
чьё разрушение необратимо.

Речь пятая. Елизавета Шершнёва

Стихотворение Елизаветы Шершнёвой не раскладывается на части, не просматривается по связям между отдельными элементами, его нельзя разобрать на уроке литературы перед классом и получить «Отлично!». Читатель имеет дело не столько с речью или её записью, а с некоторым объёмом эмоций и проживаний, помещённым внутри протяжённого дыхания. Ты читаешь такое стихотворение вслух, осязая при говорении каждое слово. Максимально медленно. Потому что настоящий смысл может оказаться в запахе, или шершавости, или в узнаваемом привкусе. Елизавета не задаёт читателю коаны, не составляет для него кроссворды, иногда возникает ощущение, что читатель ей вовсе не нужен. Елизавета сидит посреди собственного леса, залитого солнцем, и выпускает в воздух огромные переливающиеся всеми оттенками радуги шары. Они аккуратно огибают еловые ветви и уходят вверх по течению. И нам остаётся только ими любоваться, издали. Протянешь ладонь, чтобы понять, с чем имеешь дело, а она проходит насквозь. И ты идёшь за таким шаром и смотришь,

как на его зеркальных боках поочерёдно отражаются тяжёлые и плотные предметы.

Колыбельные народов лимба

1.

на сквозняках Феодосии женщины ткут прилив,
в з`ыбках песка поют черенки олив,
место под солнце вымощено коралловым кирпичом,
ничего ещё. не прибралось к рукам
не-вода со дна т`авры метают к отмели
окоём
устиляется вязью лес, как худым бельем
блесны весел - касаясь дна - набирают вес и объемо б ъ е м

2.

литой кораблик в лунной стеклотаре
слегка волнуется - тире, три точки,
три тире -
Жюль вытянул все спички
пока сидел в перинат`альном баре
матросы смерзлись, лежа в портсигаре,
вперед ногами.

3.

весна находит по-воду не дав лакричному материку напиться
колодезный журавль - чаще птица - постылая
доверчиво задрал бат`ог бедра горюнится
телеги
укачивают галечник ручья
у сыновей пробился запах хлеба на языке.

ничья родных не означает ровня, но часть отчасти млечного соска
так в океане (век от века) плавают жаровня
руками рек перебираясь через край
песка

4.

- Жена? - спросил сотник, улыбаясь, поднимая розовые от света брови.
- Чужая жена...
- Ах, вон как. <...> А муж ее где?

- Тут, хуторной.
- Ты что же, похитил у мужа жену?
- Сама приبلудилась.

М. Шолохов “Тихий Дон”

распотроши все чертову табакерку
перестели (на двоих) оперение циновки
старая зацвела
сорные травы (из-бы-ли) в лепной пыли
затлеваются, как руно на конце узла

от речного вертепа подслеповатый пес
подаёт тебе голос, как нищему лебеду
прислони к порезу. сна тягунки белёс
я по нему бреду

.....
наива аукнется зыбкая колыбель
заживёт безымянный –
кров(ь) схорони в горсти
до медового спаса пускай у тебя гостит
моя Серая шейка – падчерица,
мой Лель.

Речь шестая. Ярослава Широкова

То, что делает Ярослава Широкова, мне лично хочется назвать «изнанкой речи». Как обычно поступает всякая нормальная девочка: ткань прогладит, всё подошьёт, все имеющиеся несоразмерности или проблемки скроет? Ярослава же выворачивает своё говорение так, что по стихам становится видно, как слова друг к другу притянулись, где концы ниток остались, сваялись в цветные моточки, как строилась лицевая вышивка, где её перекашивало, как её ремонтировали. В итоге нарядной стороны мы и не видим, потому что она не нужна: закулисье для поэзии интереснее выхода на публику. Ярослава не допускает ошибок, она намеренно создаёт вилки и парадоксы, особые расщепления смысла, за которыми скрывается самая главная её тайна. И тот, кто различит среди множества нитей этот тщательно замаскированный «секретик», обретёт лёгкость.

мокрый воздух застучивает предтечу

окрестностей. Вытихает стайей
снега, раскиданного от плеч,
берегом, который тебя оставил,

осиновой бирюзой
наледь, хрустящей в оправе пения,
выводя собой нехитрый узор
говорения.

и каждый, плывущий мимо с корзинкой звёзд,
выкинет посох в твоих краях -
станут лучами ветки наземных гнёзд,
Голубь выведет голубят.

пока одета осень в облака
окраин, полногрудые мурашки
выпячивают сытые бока
под воротом учительской рубашки,

ты спишь на остановке у реки,
где плачут наливные пеликаны,
и падают хмельные рыбаки
в компьютерные сети и стаканы.

трамваи входят по двое в глаза,
безопытно слоняются кареты,
кондукторы теряют голоса
и угощают ехать без билета.

И начнётся вода,
вытекая по краю реки.
рукава окуни -
злые окуни руки оставят
без последних фалангов

и каждый, слизнув по куску
раскроится на чёрном песке.

нашей лодке они не страшны -
золотистое дно
отвлекает качанье,
но легче воды не касаться.

рыбаков выдаёт настроение
всех подловить,
но просторная рыба
охотится лучше мужчины.

грязь размокнет во рту
как нажива в матёрых зубах,
проплывёт по гортани
во тьму невидалого рода

ночь качнётся на леске
и выпадет за воротник.

над рекою летает засохшая
вялая рыба

в местных водах течет перегар,
голоса под тобой -
разнообразны до крика,
старик вынимает бутылку
и пустую подносит ко дну

и уходит река,
и уносит в себе отражение мокрого солнца.

Разговор с поэтом

Георгий Квантришвили

С Георгием Квантришвили я познакомился давно – в 1997 или 1999 году, когда приезжал выступать на «Поэтический ринг» в город Самару. До серьезных разговоров тогда дело не доходило, знакомство оставалось шапочным. Новый этап общения начался летом 2011 года, когда я начал готовить первый номер литературного альманаха «Графит». С тех пор Кавантришвили – постоянный автор альманаха, чему я чрезвычайно рад. Летом этого года мы побеседовали с поэтом, литературоведом, историком о самых насущных и актуальных проблемах волжской литературы. Вот эта беседа.

Сергей Сумин

- Георгий, ты стал свидетелем довольно бурной эпохи нашей истории. Развал страны, перестройка, культурный шок – как все это отразилось в целом на русской и в частности на нашей Поволжской литературе? Это был скорее плюс или минус? Прибавка или остановка?

- Особой бурности в наших краях, к сожалению или к счастью, я не наблюдал. Разве что битвы субкультур, из которых особенно запало в душу великое противостояние быков и фураг. Последующие субкультурные движения самобытностью не баловали. Конечно, мутации политического образования, в колонии которого мы обитаем, сопровождалась параллельными процессами в литературе. Но общемировой технический прогресс повлиял на словесность куда весомее.

Горькими наблюдениями поделюсь.

С переводами творится беспредел. Американцев им подавай. Может, к себе позовут. А мордву с чувашами кто переводить будет?! В Похвистнево ездить непрестижно? Если серьезно, то наш многоязыкая литература нашего края, увы, распалась на несообщающиеся сегменты. И мы проšliапили уникальные возможности: средневековая литература края, которая, как известно, создавалась на поволжском тюрки с фарсиязычным влиянием, именно в последние годы могла бы быть выведена из литературного небытия. Поволжские тюрки у нас, к счастью, пока ассимилировались не поголовно, к тому же миграционные волны принесли в город массу людей, владеющих и фарси (таджики), и языком, близким к литературному языку средневекового

Поволжья (узбеки, средневековый тюрки даже называют порой староузбекским). Грубо говоря, бригада из татарина, таджика и узбека могла бы достаточно адекватно перевести средневекового поволжского поэта. Увы, выпускники гуманитарных факультетов университетов из Средней Азии наравне с прочими земляками месили цемент и мели улицы. Самарцы использовали их подобно хрестоматийным дикарям, коловшими биноклями орехи.

Горюю дальше. Исчезли детские книги авторства писателей нашего края.

Среди любимых книг моего детства целое созвездие книг местных авторов. Сказки братьев Бондаренко, составленная Степаном Кузменко антология «Легенды и были Жигулей», остросюжетные книги Евгения Астахова и Эдуарда Кондратова, «В некотором царстве» Виктора Балашова, проиллюстрированная его коллекцией природных скульптур из корней – на этих книгах я рос. Увы, детская литература нашего края утрачена практически полностью. Ну, трудно самим написать, взяли бы классику, братьев Бондаренко, что ли, рисуночки, обложечки замутили – так нет же! Кстати, детская отрасль литературы консервативнее прочих, наладонники, букридеры, лэптопы и т.п. в ней ещё проигрывают книжкам с картинками.

Ещё одна утрата – исчезновение местных книг карманного формата. Разумеется, у меня есть синий академический многотомник Блока. Но почти всё, что я до сих пор помню наизусть, выпущено Куйбышевским книжным издательством. Жило это, кочуя из одного кармана в другой, пока не стало рассыпаться. Достаточно издать карманных бережно составленных Михаила Дмитриева, Симборского, Ляleckина, Буланину, Владимира Жуковского, Бородаевского, Зилова, Георгия Маслова, Ширяевца, Спасского – упоминаю только бесспорных региональных классиков – и вся история нашей поэзии предстанет в ином свете. Учитывая, что оказываются такие книги преимущественно в школьных и студенческих карманах.

Высокий слог, без снисхождения к незрелости, без сюсюканий и сленга помехой не станет. «Ты в поля отошла без возврата – да святится Имя Твоё» - вот что пульсировало в моих отроческих мозгах.

Есть любопытный опыт сетевых издательств, затрат электронные книги требуют минимальных, можно работать в любом диапазоне – от электронных собраний сочинений до сборников избранного, вроде тех, о которых я писал выше. Это я перешёл к тому, что в вопросе обозначено термином «прибавка».

Главной «прибавкой» можно считать то, что, помимо литературного официоза, -- совписа раньше, доморощенного постмодерна не столь давно и сегодняшней русско-православной ..., -- появилось представление о

литературе эмиграции. В том числе, внутренней (неофициальная литература). Да и у многих официальных писателей обнаружилась подводная часть айсберга. Кто мог предположить, что автор тошнотворной госпропаганды для малолеток Александр Введенский ещё и автор гениальных «взрослых» стихов? Разве что сотрудники соответствующих карательных органов, его убившие.

К сожалению, в нашем крае с этой «прибавкой» дела не ахти. Неофициальная литература и литература тех, кто вынужден был покинуть наш край бегством, не исследованы. Подводные части «официальных» айсбергов если и напечатаны, то малотиражны. Критически-литературоведческое осмысление этих артефактов современниками не произведено. Даже мартиролог литературных жертв государственного террора не составлен.

Но у нас есть громадный плюс в том, что ушло время, благоприятное для работы такого рода. Штудии и публикации на эту тему уже не будут поощряться и финансироваться по понятным причинам. Заниматься ими станут по любви юноши со взором горящим. Раньше шли в революцию, теперь пойдут в литературоведение. В жизни есть место для подвига, это место сейчас здесь.

- Самара подпольная, андеграундная – какова она была? Расскажи о лучших авторах последних 30 лет. Кто-то нынче пишет еще? Есть материалы об этом явлении? Кто-то из местных литературоведов-ученых копал эту тему?

- Мне повезло, я застал Владислава Петровича Скобелева и Софью Залмановну Агранович, драгоценные часы общения дарили мне Юрий Борисович Орлицкий, Татьяна Викторовна Казарина и Ирина Владимировна Саморукова, мне интересны исследования и наблюдения, что публикуют Александр Михайлович Уланов и Михаил Анатольевич Перепёлкин – никто из них, кажется, специально не занимался самарским андеграундом, но некоторые замечания на эту тему у них можно найти и, главное, их методологию можно и нужно применять. Надо осознать ещё вот что: региональное литературоведение должно перерасти стадию персонального проекта. Иначе из захолустья не выбраться, при всём обаянии личностей из его пантеона,. Выволакивать литературу региона в целом вместо того, чтобы вылезать из колониальной ямы поодиночке. Менеджмент, проектное мышление, разработка стратегических направлений, привлечение волонтеров и т. д. Андеграунд лишь одно из стратегических направлений исследования. В нём мы позорно отстали не только от столиц, от уральцев, саратовцев, ростовчан... Есть кого стыдиться. События, которые могли бы стать легендами, вроде прихлопнутого чекистами подпольного журнала, в начале

70-х подготовленного кругом Михаила Богомолова или десятилетие спустя разделившего его судьбу журнала «Идея Фикс» – но целая дюжина номеров успела выйти! – неизвестны практически никому и никем не исследованы. И, как показывает судьба Петра Степановича Александрова, материал о котором я готовлю для этого номера «Графита», – нас ещё могут ждать ошеломительные открытия.

Вот на что я хотел бы обратить внимание: источники ушедшей литературной эпохи -- живые свидетели с их воспоминаниями: как проходили заседания какого-нибудь литобъединения, как шло общение в какой-нибудь литературной компании. В этом случае основное орудие литературоведа – диктофон. Разумеется, ценность материала зависит от того, насколько сборщик «в теме», насколько ему знакомы ключевые взаимосвязи, места и фигуры литературного процесса. К сожалению, такая работа в нашем крае ещё не начата.

Теперь о том, чему свидетелем был я сам. Вестник Гуманитарного Университета публиковал моё письмо. Я выкладывал его отредактированный вариант в ЖЖ на заброшенном аккаунте, можно гуглить по заглавию «поэзия в Самаре во второй половине 80-х годов прошлого века». Письмо в жанре более мемуарном, нежели литературоведческом. Короткие характеристики 15-ти поэтов моего круга и ещё 10-ть поэтов, я посчитал, упомянуты. Из них восемь человек покинули этот мир. Ещё об одном я давно не имею никаких известий и боюсь, как бы не пришлось добавить его девятым. Восемь со стихами завязали. Мистика чисел – восемь пишущих по сию пору или хотя бы до относительно недавних пор. Хотя один из них лучше бы завязал, ибо то, что он пишет сейчас – ужасно.

На мой взгляд, это, четвертьвековой давности, поэтическое поколение, последнее из тех, о которых можно говорить как о существовавших в андеграунде. Вот почему.

На срок в 30 последних лет приходится минимум пара ребрендингов государства, гражданами которого является большинство пользующихся русским языком. Последний ребрендинг у всех перед глазами. О предыдущем я кратко напомним, применительно к его культурной политике.

Она была такова: всему подпольному не просто давалась зелёная улица. То, что недавно почти наверняка, а то и никаким боком в эфир и на страницы попасть не могло, выволакивалось в эфир и на страницы буквально за шкуру. Складывалось впечатление, что заведующим культурой бывшим комсюкам и кураторам-гебистам спущены нормативы. По которым они отчитывались примерно так: «Авангардисты – пять штук. Гомосексуалисты – трое. Наркоманы – четверо. Русофобы – двое. Один отсидевший в местах

заклучения. Нацмены – семеро, антикоммунистов – дюжина, с психическими отклонениями – тридцать. Трансвеститов, к сожалению, пока не обнаружено. Но мы в этом направлении активно работаем». Сейчас понятно, заварившим эту кашу дядям нужны были акции международных компаний, доля в мировом бизнесе, собственность за рубежом и т.п. От репутации фанатиков и убийц надо было избавляться. Для этого разыгрывался водевиль «крушение империи зла».

Не нужно было обладать слишком уж острым нюхом, чтобы учуять запах аферы и моральной нечистоплотности. Нашим краем можно гордиться, здесь не повелись на разводку. Желających изображать «обновление культуры» почти не нашлось. Правда и то, что провинции от общероссийских пирогов доли эфира и страниц доставалось так негусто, что макать себя в то самое ради убогого мизера сильного искушения не было. Кто-то, возможно, не продался лишь потому, что ему и не предлагали. Те же, кого в силу обстоятельств личного характера выталкивало в эфир и на страницы, в сравнении со столичными проходимцами и напыщенными болванами выглядели человечнее, что ли. Напомню, что именно у нас получил возможность опубликовать свои горькие наблюдения Всеволод Николаевич Некрасов – не только большой поэт, но и (скорее, не «но и», а «и одно закономерно вытекает из другого») нравственный камертон эпохи. В родной ему Москве он такой трибуны не имел. Выводы Всеволода Николаевича, с которыми я вынужден согласиться, таковы... В конце прошлого столетия то, что считалось в советские времена андеграундом, прекратило существование. Самодеятельные институты, противостоявшие культурной политике власти, рухнули. Новая тактика власти не просто их разрушила, но и способствовала необратимой моральной и творческой деградации их участников.

Ещё одним бонусом эпохи стало то, что в подпольщиках оказались и самые заскорузлые, мракобесные и непродвинутые. Вроде тех, что сегодня празднуют победу и правят парадом. Считать и этих андеграундом можно лишь с немалой долей иронии.

Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Возрождение андеграунда привело бы к результатам настолько же бесплодным и смехотворным, что и возрождение крестьянства, дворянства или казачества. Это глумление над трупом.

- Ското и трупифутиризм как явления – были мифом? Что это в конце 20 века – развитие авангардной линии, прикол, возрождение преемственности?

- Ага, это был приколы, возрождающий преемственность от русского авангарда, развивающий и отрицающий его. Предыстория такова. В 1914-м году в Саратове вышел ультраавангардный альманах «Психофутуризм». Лишь гораздо позднее стало известно, что несколько литераторов, задумавших обстебать модные литературные тенденции, изначально делали его как издевательскую пародию. Кстати, самарские духовные наследники футуристов получили доступ к этому раритету благодаря затеянной В. П. Скобелевым конференции, посвящённой литературной пародии. Я готовил для неё доклад о пародийной составляющей книги «Смерть Искусству!» Василиска Гнедова. А сначала безуспешно предлагал пародию на литературоведческий доклад: образ гробовых дел мастера Безенчука в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова как пародия на Пастернака. Помните, он встречает Кису Воробьянинова, «прислонясь к дверному косяку»? Там ещё уйма аллюзий на пастернаковские тексты, в том числе на ещё ненаписанные, что самое забавное. Моему участию категорически воспротивился литературовед Л.А. Финк.

Об истории вражды с бедолагой Финком как-нибудь потом, а сейчас вот о чём: тексты психофутуристов были лихими и убедительными и явно предвосхищали дальнейшие открытия тех, кого они спародировали. Мы решили осваивать наследие, – сначала авангарда, а потом и культуры в целом, – в том же ключе. Сказано – сделано: все культурные доминанты перевернулись с ног на голову. Вместо истины, добра и красоты нашими путеводными звёздами стали ложь, зло и безобразие. Свобода, равенство и братство уступили место тирании, рабству и агрессии. Мы призывали к оскотиниванию и смерти, трепетно чаяли их и с наслаждением встречали свидетельства их неизбежного триумфа. Деграция и гибель – неизбежный удел всего живого, но испытывать кайф от этого, кажется, мало кому приходило в голову.

Мы не знали тогда, что чуть раньше похожими путями двигались участники так называемого «южинского кружка», а чуть позже, – ко времени, когда наше ското- и трупо-футуристическое движение само деградировало и погибло, – «южинцы» на схожем комплексе идей, сделавшись ведущими и главнейшими идеологами режима, выстроят новый мир, новую Россию. Радуюсь ли я тому, что мы победили? Нет. По двум причинам.

Во-первых, сейчас я отношусь к ското- и трупо-футуризму так же, как он относился к предшествующей ему культуре. Во-вторых, свидетелей у абсолютной Победы не будет, ибо она пожрёт и уничтожит всё живое. А мы ещё не уничтожены. Поглядим, чья возьмёт.

- Каковы были связи тольяттинской литтусовки начала 90-х (Айвенго, Князев, Ладос Мирания, А.Князев, М.Сникерс) с самарскими

**подпольными поэтами? Были ли совместные выступления?
Наблюдалась ли эстетическая близость?**

- Стоит добавить к перечисленным, как минимум, Лезина ака Деревящикова, Владимира Краснощекова ака Краснощекоа, Янкеля ака Сергея Гридина... Я старше тех, кто упомянут в вопросе, мои ровесники, если говорить о тольяттинских поэтах – Слава Смирнов, Алексей Алексеев, Владислав Южаков... А эстетически сформировался я, пожалуй, где-то между теми и другими.

Связи были не особо тесными из-за рассинхрона: период активности самарского пост-авангарда был на несколько лет раньше. К началу 90-х мои соратники из игры по разным причинам выбыли, а я уже читал и ценил больше Ходасевича, чем Кручёных. Но Кручёныха и произведённый им переворот я принимал и понимал. Подмога пришла оттуда, откуда не ждал.

В 1990-м вышел один из лучших альбомов «Гражданской Обороны» с запоминающимся регги-хитом «Памяти Кручёных». Он, собственно, и начинался на той кассете, что я слышал, с распевания строфы Алексея Елисеевича «Никто не хочет бить собак, Запуганных и старых, Но норовит изведать всяк Сосков девичьих алых!». После этого Кручёных стал поэтом культовым, для многих – центральной фигурой поэтического авангарда. Маяковский слишком в политику упёрт, Хлебников на своих идеях завёрнут, мозги пухнут, Хармс малешко юморной, для девчонок, а Кручёных самое то. Я огрубляю, конечно. Но тольяттинцы, – а они почти поголовно, кроме стихописания, ещё и музыканты, люди контр-культуры, – как раз восприняли опыт Кручёныха прежде всего. В разных его вариациях. Если бы я столкнулся с этим несколькими годами раньше, в 80-е, я бы обезумел от счастья, наверное. В 90-х уже не обезумел, но большая радость обуюла. При следующих обстоятельствах – меня пригласили в жюри самарского «Поэтического Ринга». Я был в офицерских сапогах покойного тестя и рубашке а la чернорубашечник из когорты Маринетти. Читал я тогда Святых Православных Отцов, библиотечку русского патриота от редактора газеты «Пульс Тушина» и Упанишады. Для полного постмодернистского коктейля чего-то не хватало и на выступлении тольяттинцев я понял, чего именно. Дальше процитирую себя самого:

«Обнаружив среди чтецов наших нынешних героев, я начал проталкивать их в победители. Для этого мной была избрана коварная тактика. Чтецы оценивались по 10-балльной системе, лидеры выявлялись по средним арифметическим баллам. Разумеется, ниже восьмерки ни один тольяттинец от меня не получил. Дабы небогатая на креатив самарская шелупонь не путалась под сапогами тольяттинского десанта, я пожертвовал ей баллы в диапазоне от нуля до двойки. Однако опасность пришла с другой стороны:

призов не хватило – поэтов из Тольятти оказалось количественно больше. Секунду помедлив, я решил пожертвовать в призовой фонд предмет собственного гардероба. Вот так тольяттинский поэт Марс-Сникерс уехал из Самары, завязав горло в моё кашне.

К сожалению, со стихами мой лауреат впоследствии тоже завязал».

Совместно выступать тольяттинским десантникам было не с кем. Самарские авторы, органично смотревшиеся бы рядом с ними, либо уже ушли на дембель, либо, -- вроде авторов круга «Веселья Ебинизера», --пока ещё не были мобилизованы.

Опять злоупотреблю автоцитатой: «в тольяттинской литературе «лихости» тогда было хоть отбавляй. ... в соседней тольяттинцам Самаре тогда же царила апатия. Я помню редкие визиты в Самару тольяттинских поэтов, похожие на падения в болото раскалённых метеоров».

Разумеется, любая метафора грешит кривобокостью.

В самарском «болоте» в эти же годы существовал круг авторов, сформированный Андреем Темниковым, проявивший себя в том числе и журналом «Белый человек». Который, -- как и альманах тольяттинцев с названием, за которое сегодня запросто могут оштрафовать, -- литературе нашего края не стыдно предъявить в качестве самооправдания.

Была газета «Цирк Олимп», попытка вырваться из провинциального контекста. Вполне удачная, если не придирается к излишней натужности попытки.

Творили авторы разных поколений, место которых не у литературной параша.

Но оказаться в одном пространстве с семьёю талантливыми людьми, которые, дополняя друг друга, соединялись бы, не сливаясь до неразличимости, в единый гипертекст, -- такое счастье дарили только тольяттинцы.

В алхимии сочетание различных элементов производило трансмутацию, трансмутация случилась с теми, кто перечислен выше. Просто нахождение в силовом поле этой компании оказывало будоражащее, оздоравливающее воздействие.

- Вообще Тольятти 90-х годов с его постмодернистскими, концептуалистскими, игровыми темами в поэзии – насколько тебе интересен?

- Интересен не только мне, но любому open mind читателю.

С горечью и недоумением покумекаем, почему такое мощное явление, каким была тольяттинская пост-авангардная генерация 90-х, не обрела должной литературной ...хм, не славы, что слава? репутации. Дабы воспринимать тольяттинские «Олимпийские игры» в ряду с такими феноменами, как питерское ОБЕРИУ или московская Лианозовская школа. Они этого заслуживают.

И начнём с самого элементарного: есть ли книга, в которой собраны наиболее характерные тексты авторов этого круга? Ответ: такой книги нет. На этом кумеканья можно заканчивать.

- Что в современной самарской поэзии тебя радует? Фамилия? Места? Журналы?

- Паря внутри регионального литературного космоса, утрачиваешь силу притяжения к сиюминутному. Николай Хардин, Клавдий Данненберг, Александр Ожарко, Вера Ледковская, Владимир Челядинов – этих поэтов я не застал, их стихов не читал и даже надежда на это слаба, но занимают они меня не меньше живых. Появление чуть ли не полного собрания оцифрованных книг Аполлона Коринфского или обнаружение, – благодаря иным оцифрованным pdf-кам, – солидного самарского пласта в биографии Ивана Сурикова – имеет ли это отношение к современной поэзии? Вряд ли... Открытие в выброшенном на свалку диване пачки стихов незаурядного куйбышевского поэта Евгения Воронкова? Теплее...

А вот уже, практически, горячо. Поэтесса Наталья Бусыгина сумела издать почти все свои стихи, начиная с 70-х, можно говорить о полном собрании. Вынырнул из четвертьвекового сокровенного полу-небытия с новой книгой любимый ученик Владимира Соколова Виктор Агальцов. Начал, наконец-то, издаваться Михаил Матушевский, – легенда неофициальной поэзии Куйбышева 70-х, – и прислал для меня из Израиля две книги, спасибо. Ещё одна куйбышевская легенда, Михаил Гиршовский, у себя в Иллинойсе составил прекрасную книгу избранных стихов и ищет издателя. Пришло известие, что родные сохранили архив Сергея Поберёзкина – когда-нибудь мы сможем открыть этого незаурядного автора. Открылось второе поэтическое дыхание у Юрия Борисовича Орлицкого – он издаёт сборник за сборником, один из них, попавший ко мне, меня потряс. Я с неохотой жму на тормоз в перечислении своих библиофильских радостей. Перечисленные поэты сформировались давно и в моих рекомендациях не нуждаются.

Вряд ли нуждается в них и совсем молодой Максим Маренков. Слава улыбнулась ему, кажется, после весомой рекомендации в крупном паблике, итог – сотни лайков к каждому тексту. Но две книги ему пришлось издавать за свой счёт, нулевой отклик коллег, земляков, литераторов – кажется, парень

растерян. Стилистически близкий к нему, но более сугестивный Вадим Савельев несколько лет без какого-либо ажиотажа писал в Самаре же, теперь эмигрировал в столицу. Сформировался в самостоятельную и значительную литературную величину поэт Александр Фральцов – почему его скудно отмечают, мне понять трудно. Есть поэты, которые растут на глазах – по их ранним сетевым публикациям можно было разве что надеяться на серьёзное будущее, сейчас оно наступило и новые их тексты свидетельствуют о вступлении в пору расцвета: Владимир Тесёлкин, Оксана Благодатова, Евгений Блудин... Спасибо интернету, но далеко не всё есть в сети. Например, возможность читать стихи замечательного поэта Стаса Фурмана у меня есть лишь благодаря личному знакомству. Он их нигде не печатает, не выкладывает и, кажется, вообще не парится по этому поводу.

Затрону ещё одну тему. Наш регион был местом рождения целой когорты замечательных поэтов, сейчас они разбросаны по земному шару.

Наталья Орлова, Елена Крюкова, Ирина Корсунская, Александр Брятов, София Юзефпольская-Цилосани – называю лишь тех, кто пришёл в голову в первую очередь, но насколько же богаче стала бы наша региональная литература, если бы эти поэты были возвращены в неё хотя бы читательским любопытством и чуткостью к их творчеству.

- Теперь немного о твоём поэтическом творчестве. В твоих текстах и манере исполнения их на сцене можно обнаружить элементы эпатажа, брутальной агрессивности, театральность, иронию и сатиру. Все это сознательно выстроенный образ или же во многом черты твоего темперамента?

- Брутальная агрессивность, приправленная театральностью, – сущностная черта моего темперамента. И, разумеется, я говорю это безо всякой иронии.

- Георгий, что из написанного тобой (циклы, книги, эссе) ты считаешь лучшим?

- Неопубликованность, следовательно, недоступность читателю ставит в двусмысленное положение. Можно сыпать названиями неизданных книг и циклов, никто за руку не поймает.

Надо быть, подобно мне, неисправимым оптимистом, чтобы при подходе к шестому десятку не ответить макабрической шуткой: моё лучшее я унесу с собой в могилу.

Философский ответ человека, у которого уже из ушей и ноздрей начали расти пучками волосы: лучшее впереди. Радость тоже имеет место быть: моё худшее читателям недоступно.

- Я, как редактор альманаха «Графит», который интересуется литературой Поволжья, рад нашему сотрудничеству. Твои эссе и исследования жизни и творчества волжских поэтов – крайне необходимая работа. Как ты пришел в краеведение? Какие авторы прошлого интересуют тебя особенно?

- 21 июня 1987 г. я пришёл на избирательный участок. Зачем я вообще туда пошёл, выборов как таковых всё равно не было? Кажется, пошёл тягать авоськи с продуктами матушке, а она, человек советской формации, затащила на участок. Частью ритуала были поздравления тех, кто, подобно мне, участвовал в нём впервые. Мне была пожата рука, вручена открытка: «Надеемся, что ты достойно будешь носить высокое звание гражданина Союза Советских Социалистических Республик, честным трудом и активной жизненной позицией укреплять могущество нашей Родины». В нагрузку к открытке и рукопожатию была впендюрена книга местного издательства из тех, что не раскупаются, а лежат на полках мёртвым грузом. Книга оказалась ещё пахнущим типографской краской литературно-краеведческим сборником «О Волге наше слово». Обзорные статьи по литературе края в разные периоды плюс по конкретным писателям. Не скажу, что я она перевернула мне жизнь, но место на полке заняла и в последующие годы время от времени я её доставал для справки. Чем дальше, тем чаще. Пока как-то само собой не оказалось, что какая-то часть моей литературной работы является, по сути, дополнением и исправлением этого сборника.

Спустя несколько лет в моём распоряжении случайно оказался архив футуриста Кремлёва. С очерка о Кремлёве, напоминаю, я когда-то начал сотрудничество с «Графитом». Жил-был писатель, небездарный, на него Хлебников возлагал надежды. А потом исчез и сорок лет о нём не вспоминали. Вообще. Нигде. Никто. Забвение практически тотальное. Если вынести за скобки хлебниковеда Александра Ефимовича Парниса. В 70-е годы отыскавшего вдову хлебниковского друга и обменявшегося с ней несколькими письмами.

Затем я сам выпал из литературы. Добровольный 10-летний эксперимент. Вернувшись, я застал изменившийся литературный пейзаж. Поэты моего поколения, которых мне интересно было читать и слушать, повторили судьбу Кремлёва. Общение со старшими коллегами утвердило в нехорошем подозрении: многие персонажи и события, значимые для предыдущих поколений, исчезают практически без следа. Да и те, что остались на виду, без шлейфа из мемуаров, критических отзывов, литературоведческих штудий – выцветают, лишаются объёма.

Ну, и, в довершение ко всему, мои знакомые один за другим повадились умирать. Когда умирает поэт, гнёт не донесённых до читателя стихов начинает давить на тех, кто его окружал.

Спустя какое-то время я почувствовал, что это гнёт не столько людей, сколько, если так можно выразиться, «гнёт места». Земля, на которой мы живём, по которой ходим и в которую ложимся, напитывает соками, шевелит нашими губами, думает нашими мыслями. Мне кажется, возможно ухватить некий метатекст места в его непрерывности. При такой оптике несущественных деталей нет, каждый текст, каждый автор оказываются необходимыми пазлами общей картины. Но эту картину возможно увидеть только глазами реставратора. Есть писатели, от которых остались только имена. Есть писатели, чьи тексты никогда не были собраны в книгу. Есть писатели, чьи книги забыты. Есть писатели, чьи тексты сохранились, но читателю недоступны. Есть писатели, чьи тексты, не подключенные к генератору актуальности, перестали «работать». Сотни имён, мириады букв. Я в отчаянии. Меня мучают кошмары. Каждое имя, не подкреплённое сопровождающим его корпусом текстов, вызывает чувство зияющей пустоты на физическом уровне, от этого сосёт под ложечкой, подташнивает. А вы что думали, литературное краеведение – это так, забава? Нет, это штука страшная.

- Поэзия в наше меркантильное и суетливое время – нужна? Не убьёт ли наступающее цифровое, сетевое, виртуальное время человеческую фантазию, образное мышление? Есть ли социальная роль у поэзии как таковой?

- Поэту предъявить иск любой из эпох раз плюнуть. Поэзия стремится к беспредельности, мир же, мерзавец, в любом из конкретных проявлений конечен.

Тема «лишних людей», измусоленная русскими литераторами, рифмуется с лишними профессиями, отраслями, социальными стратами, регионами... То и дело натыкаюсь на сетования о ненужности науки, сельского хозяйства, пенсионеров, инвалидов, Дальнего Востока, Крайнего Севера и т. п. Поэзия не в такой уж плохой компании?!

Цифровое, сетевое, виртуальное способно убить поэзию с тем же успехом, с каким её до этого пытались прикончить изобретение колеса или печатного станка Гутенберга.

Разные эпохи навязывали поэзии разные социальные роли и будут пытаться это делать ещё не раз. Порой и сама поэзия лицедействует в тех или иных

социальных ролях. Не стоит выводить формулу социальной роли поэзии в наше время. Жмуций на властные рычаги может счесть её единственно верной. Или, напротив, призадумается о необходимости карательного воздействия. Так что пусть роль будет такой – избегать каких-бы то ни было ролей. Избавь нас от барской любви и холопской ненависти.

- Следишь ли ты за тем, что происходит в мировой литературе? Каковы тенденции, что сейчас в тренде? Кому бы из ныне живущих поэтов ты дал бы Нобелевскую премию?

- Мировая литература создаётся на нескольких тысячах языков, охватить этот процесс одному человеку не под силу. Можно, конечно, ограничить себя несколькими языками, доступными максимально большому числу читателей. В моём случае, помимо восьмого по числу носителей, русского, плюс кое-каких интуитивно понимаемых славянских наличествуют лишь робкие эксперименты с чтением на английском со словарём.

Если бы от меня зависела выдача Нобелевки, я бы дал шанс на побег из окупившегося гетто, её лауреатов искал бы где-нибудь в Эфиопии, в Индонезии. Украинцу дал бы. Узбеку.

- Георгий, спасибо за интервью, последний вопрос традиционный – твои пожелания литературному альманаху «Графит»?

- Трудолюбия и оптимизма.

Георгий Квантришвили

+ + +

все ответы которые я хотел получить запоздали давным давно
их злободневность потеряна в то самое время когда начала выстраиваться
логика позволившая приступить к изложению обоснованных выводов
этими постулатами можно забивать гвозди – настолько они тверды и
увесисты но тяжесть давно потеряла для меня свою притягательность
всё что было легко – улетело точно унесённое порывом интенсивного ветра.
всё что было непреподъёмно – осталось далеко за спиной
все вопросы стоившие стольких терзаний звучат несуразно словно ощепки
эха язвительно и бесцельно выкладывающего из фрагментов
супрематическую мозаику

+ + +

нелегко бывает тому кто знает цену лёгкости – и с лёгкостью же разлучается
с желанием выторговать себе какую-либо скидку
хотя бы на то обстоятельство что всякое жульничество с противоположной
стороны принимается заранее как неукоснительный элемент
и любые попытки обернуть дело иначе изменить исходные условия
расчистить плацдарм (как выразились бы переспевшие стратеги утомляющие
как себя так и эстетический вкус)
любые изменения не продиктованные ни случайностью ни необходимостью
(а иного и трудно было бы ожидать (но легко принять как подарок))
отвергает как форму правильности несоответствующую её же содержанию
отрицает как утверждение с которым не надо спорить ввиду отсутствия
стороны на нём настаивающей

+ + +

л.ч.

нас свела точно челюсти в дрёме
и заставила быть впереди
капля пули застрявшей в патроне
как сосок материнской груди

ни один ратоборец и витязь
состязателем втиснутый в грунт
не сумел бы вот так ненавидеть
эти губы колени и грудь

может быть потому что нам с детства
представляли под хохот стрельбы
смерти традиционное действие
на продавленной сцене страны

и теперь открывая премьеру
каблуками расплющив зарю
мы врагами выходим к барьеру
а не сужеными к алтарю

я люблю твою душу и тело
так ещё хоть немного побудь
пусть дрожат через прорезь прицела
эти губы колени и грудь

чтоб когда-нибудь в будущем ёжась
от забытой команды огонь!
удивились на нашу похожесть
разведя нас на десять шагов

Иван Медведков

One

*You said, one love, one life
When it's one need in the night
One love, we get to share it
It leaves you baby if you don't care for it*

Ты говорил одна любовь на всю жизнь

Когда только одно желание ночью

Одна любовь, которая нас объединяет

Она уходит, если о ней не заботиться

Johnny Cash

В этом городке есть роскошные отели, сетевые отели, маленькие уютные гостиницы, дешевлешие хостелы и много чего ещё. Но стоит особо отметить так называемые апартаменты, аналога в русском гостиничном сервисе нет, разве, что просто квартиры в жилом доме. Но в отличие от наших специфических «квартир на одну ночь», те можно забронировать по Интернету. Получаешь пароль, который вводишь на входной двери здания, а затем и в своих апартаментах. Как такого нет и ресепшена с администратором, правда в домах подороже есть консьерж. Эдакие квартиры на любой срок.

День

- Дети, не расходимся, сначала нужно заселиться, - преподавательница лет сорока с вытянутым и несколько комичным лицом, пыталась организовать высыпавшихся из двух мини-вэнов студентов, смешно размахивая руками с листами бумаги. Среди этой группы, получая лёгкие толчки, протискивалась ближе к входной двери здания девушка, второкурсница, в огромной серой шапке, с длинными русыми волосами и с неизменными наушниками в ушах. «Дети, дети, дети. Хороши дети, - приговаривала про себя Саша, - эти дети уже бухают, как черти, курят, как паровозы и трахаются, как кролики». Даже в голове это прозвучало грубовато, а Саша ненавидела грубость и пошлость, но по-другому и не скажешь. Наконец, она добралась до электронной двери, ввела пароль забитый в телефоне и забежала в подъезд. Оказывается, некоторое подобие ресепшена всё-таки было, но никто не сидел за стойкой. Прикинув, что вся группа попытается разом залезть в маленький лифт, Саша

предпочла винтовую деревянную лестницу, шестой этаж – это не очень высоко.

Саша уже распаковывала вещи, когда в дверь зашла *она*. Исходя из своих типичных неадекватных побуждений, преподавательница решила поселить Сашу вместе с Тоней, чтобы сплотить группу ещё больше. На самом деле, никакой сплочённой группы не было, просто были несколько компаний друзей и одиночки. Эта затея походила на то, если бы лиса оказалась в норе с домашней кошкой. Лиса бы есть её не стала, а просто фыркнула и занялась своими делами. Кстати, Тоню дразнили Лисой, из-за того, что у неё были яркие огненные волосы, всегда приподнятые и объёмные (как она это делает?), склочный характер и двуличная натура. Может и не умна, но точно хитра, особенно в житейских вопросах. Особенно в темах с противоположным полом.

- Ну, чо, может махнёшься с кем-нибудь? – развязную манеру говорить украшал постоянно лопающийся пузырь розовой жвачки. Тоня одета была как цыганка, вся в браслетах, кольцах, огромных серёжках и прочей недорогой бижутерии из маленьких магазинчиков торговых центров.

- Сама «махайся», если хочешь, - Саша попыталась спародировать её, но, прозвучало, неудачно.

- Да мне ваще пофиг, сама свалишь, - Тоня принялась распаковывать гору своих сумок, одна из которых была целиком набита нижнем бельём. В основном дорогим и невесомым. От Лисы не ускользали такие детали, как заинтересованный чем-то взгляд. – А-а-а, завидно? – она ехидно улыбнулась, сверкнув отбеленными зубами, - Хочешь, тебе подкину? – и она демонстративно запустила руку в сумку.

- Не надо, спасибо, - Саша поспешно нацепила куртку, взяла с тумбочки телефон и протиснулась к выходу. Да, места в комнате не было совсем, кровати упирались в стену, и только они занимали бóльшую площадь. В таком замкнутом пространстве с Лисой долго не протянешь, в чём-то она права. Только если специально её позлить.

В фойе перед лифтом Саша наткнулась на преподавательницу.

- Александра, куда это ты? – да что ж за манера ещё и по полному имени обращаться, когда оно дурацкое такое.

- Никуда, просто погулять, - сейчас привяжется по-настоящему.

- Ну, хорошо, телефон при тебе? – надо же, какая удача.

- Да, вот он, - Саша подняла телефон к уху, экраном к преподавательнице, помахали им и мило улыбнулась. Многие говорили ей, что она мило улыбается, но вот даже оттенка искренности в ней порой не было. Это замечали не все, и, слава Богу.

Вечер

Ступать в мягких кедах по брусчатке было приятно. В ушах играла любимая музыка, тёплый сентябрьский вечер наполнял улицы городка. Европейская архитектура отличалась невысокими домами и домиками, с дивными фасадами. Саша в архитектуре не разбиралась, даже не знала, как называются все эти детали ...экстерьера, что ли, раз внутри интерьер. Она отмечала скандинавскую холодность, в некоторых фасадах, их сдержанную готичную целесообразность. На улице было много людей, причём, кроме как фриками, молодёжь по-другому ей сложно было назвать. Все в чёрных и цветных татуировках, со странными причёсками и «тоннелями» в ушах. Дырявые и разрезанные джинсы, с кедами «CONVERSE» дополняли образы. Иностранцев почти не было, слышна была только странная, похожая на сумасшедшую детскую песенку, речь. Саша добрела до главной площади, поселились они практически в центре, где помимо всего прочего был и Макдональдс. Да уж, привет глобализация и транснациональные корпорации. Саша с удовольствием бы сказала «пока», а не «привет».

Посидев у какого-то памятника, и перекусив шоколадкой со странным названием, она решила пройтись по магазинам. Нет, не то чтобы они их любила или любила шмотки. Скорее разные сувениры, книги на английском, магнитики и открытки. У неё была традиция – отправлять открытки из разных стран самой себе. Странно? Да. Ещё один реверанс одиночеству? Да. Зато возвращалась она быстрее, чем они приходили, поэтому позже, прилетала к ней из другой страны частичка тёплого моря, яркая снежинка с альпийского курорта. В сырой серой России как нельзя кстати.

Уже направляясь к дому, она заметила, что на телефоне-то остался один процент зарядки. Ну, ладно, хватит, наверное. Она сложили наушники в сумку, и поспешила домой. Стемнело, в старомодных фонарях зажглись огоньки. На улице осталась одна молодёжь, обнимающиеся парочки, компании подружек весело обсуждающие последние сплетни, кучки парней, басающих непристойные шутки. При чём, сплетни были про парней, а шутки – про подружек. На душе у Саши от этого мягкого тёплого вечера стало ничуть не тревожно, несмотря на то, что телефон сел окончательно. Она почти прошла вход в мало примечательное здание её временного дома. Вернулась и встала у запертой двери: «Ничего, подожду, пока кто-нибудь выйдет или зайдёт». Пароль она, конечно, не запоминала. Шли минуты, но так никого и не было. Стереотипные страхи «одна вечером на улице», «в другой стране», «без телефона» затрепыхались в её голове. В какой-то момент на улице

совсем никого не осталось, и она услышала живой поющий голос. Английскую песню, кажется. Она удивлённо огляделась, и поняла, что он доносится из арки дома, в котором были их апартаменты. Она несмело зашла в арку и вышла во двор. Тут даже росли невысокие деревья и кусты, были разбиты клумбы. Никого не увидев во дворе, она подняла голову и поняла, что звуки идут сверху. Оказывается, в одной из квартир их дома кто-то пел, и мелодично подыгрывал себе на гитаре. К сожалению, поющего не было видно, из-за пожарной лестницы. Немного потоптавшись не месте, взглянув на выдвинутую нижнюю часть лестницы, на которую без труда можно было залезть, Саша рассудила так: «Заберусь наверх, там точно должна быть дверь или окно в коридор. Ничего со мною не случится. Заодно посмотрю, кто это поёт. Если честно, поёт парень неважно, но, как говорится в России, с душой», - думала Саша, легко взбираясь по ступенькам. Когда она была уже на третьем пролёте, голос затих вместе с гитарой. Песню кстати она узнала, это была одна из популярнейших песен Johnny Cash – «One»

Прямо на широком подоконнике, свесив ноги наружу, сидел парень с обычной жёлтой акустической гитарой. В смешном бордовом балахоне, с сигаретой в зубах. Гитара лежала у него на коленях, он, прищурив глаза, смотрел на поднимающуюся из темноты девушку.

- Эй, чего ты там крадёшься, привет! – Саша всё-таки вздрогнула, хотя и увидела его раньше. Говорил парень на английском.

- Да ничего. Привет, - скомкано ответила она, стоя на лестничной площадке, опустив глаза.

Свет из комнаты наконец-то упал на незнакомку, и парень мог её нормально разглядеть. Она была среднего роста, с неплохой фигурой (насколько можно разглядеть под приталенным пальто), с аккуратным носиком, тонкими губами и огромными глазами, которые она прятала. Из-под смешной серой шапки вниз опускались длинные распущенные волосы. «Ничего такая», – подумал парень.

- А ты ничего, - тут же выдал он вслух

Да уж, таких комплиментов Саша «давно» не слышала. Но из-за того, что это звучало на другом языке, ей было даже приятно.

- Спасибо, Джонни.

- Ого, да ты знаешь, что я пою! – кажется, парень был искренне удивлён, - ну, и как же тебя зовут, знаток музыки?

- Саша, - если честно, своё имя называть не очень хотелось, да и знакомиться она не любила. Но на английском диалог завязывался как-то естественней, так что ответ вылетел сам по себе.

- Дэниел, но друзья зовут меня Дэн, - он посмаковал её имя, – Sasha, Sasha..

- Приятно познакомиться, - негромко проговорила она. Акцент у неё был умилительный

«Хорошо хоть не Боб и не Джон, – Она впервые взглянула ему прямо в глаза. – Оценивающий игривый взгляд. Как банально. И больше ничего. Ну, а чего ещё ждать?», – проскочили мимолетные мысли. В этот момент кто-то дёрнул Дэна за плечи, и он вместе с сигаретой и гитарой смешно свалился в комнату. Громкий гогот раздался внутри, грохнулся он изрядно, чуть гитару не сломал. Саша решила, что самое время ретироваться, и побежала вверх, где, к её счастью, было открыто окно в коридор четвёртого этажа. Просмеявшись, Дэн поднялся с пола и выглянул в окно.

- Убежала твоя прекрасная незнакомка, - друг Дэна слышал часть их диалога, - дай-ка я сыграю что-нибудь весёлое, Ромео, - он потрепал голову Дэна, перехватывая гитару поудобнее.

Ночь

Саша аккуратно постучала в свою дверь. К её удивлению Лиса была в номере и не спала. Она открыла ей дверь и даже не прокомментировала возвращение соседки. Саша переоделась, почистила зубы и умылась, как обычно, забралась под одеяло. Взглянула на Лису. Та, в красивом нижнем белье, лёжа поверх еще заправленной кровати, смотрела что-то в телефоне.

- Чо вылупилась? - «лучшее» начало ночной беседы двух вынужденных соседок вряд ли можно придумать.

- Да, ничего, - Саша отвернулась от этой ... особы, которая олицетворяла всё, что ей не по душе. Вся эта дешёвая вульгарность, обманчивая доступность, бесконечная фамильярность... брр. И этот сопутствующий успех у парней. Такой коктейль должен вызывать тошноту, а не затуманенный влюблённый взгляд. Но это было именно так. Против логики. Сашиной логики.

- Чо, где гуляла? – а вот это уже интереснее: проявление внимания. Только бы не это раздражающее «чо».

- Да так, по городу, - а диалог начинал завязываться!

- Ну, ясно, а то мне показалась, что ты какая-то на мандраже зашла, - какие слова мы знаем, ух ты.

- Просто пароль от двери забыла, пришлось по пожарной лестнице забираться, - как бы это ни было странно, диалог вести было действительно легко.

- О, а ты говоришь «да так»! – в голосе Лисы прозвучал искренней интерес, она даже отложила телефон.

- Да-а-а, ещё и какого-то придурка там встретила, м-м-м, то есть придурков, - Саша непривычно вылиwała поток своих мыслей наружу, а не крутила его в голове.

- Где там? На лестнице? – Лиса даже приподнялась и подобрала под себя ноги.

- Ну да, - Саше казалось, что она понятно изъясняется.

- И что это за придурок...придурки? – Лиса хитро улыбнулась, но злости Саша не заметила. От этого стало немного страшно.

- Да я не знаю толком, зовут Дэн, кажется он англичанин. Или американец.

- Придурков мы отсеяли, - Лиса улыбнулась ещё шире, - остался только полуночный герой! – она явно была настроена поболтать, посплетничать.

- Да какой там герой, сидит, бренчит на гитаре, - Саше всё ещё было некомфортно делиться такими пустяковыми подробностями.

- А он смазливый, америкосик-то? – Лиса уже была увлечена разговором, смотрела своими тёмными глазами прямо на соседку.

- Да ничего, обычный, - вяло отвечала Саша.

- О-о-о, - растянула Лиса, немного хихикая, - да он понравился тебе, ё-моё!

- Ничего он не понравился, просто очередной разгильдяй, - Сашу почему-то задело предположение Лисы, наверное, потому что оно было «в точку». Саша неуклюже поправила подушку, отвернулась к стене. А события продолжали развиваться уже стремительнее.

- Давай рассказывай всё по порядку и в по-дро-бно-стях! – Лиса прыгнула на кровать соседки и встряхнула её за плечи. Саша вздрогнула от неожиданности, попыталась отодвинуться от Лисы. Правда, места на кровати было мало.

- Рассказала я уже всё, отстань, - Саша неуверенно оборонялась от натиска.

- Не-е-е-т, давай-давай, - наседала Лиса.

Может быть, что-то переключилось в голове. Может быть, просто хотелось с кем-то поделиться. Но Саша вдохновенно и красиво рассказала про свою короткую странную встречу на пожарной лестнице. Лиса даже по-детски приоткрыла рот, когда слушала.

- Ну, ну, и какой план!? – с воодушевлением воскликнула Лиса.

- Нет никакого плана. Да и какой тут может быть план? – удивилась Саша.

- Понятно. Так и быть, помогу тебе, подруга, - а вот это уже было слишком для одной ночи. Случайная встреча, разговор по душам, а теперь ещё и «подруга»! – Завтра будем действовать. Давай показывай, какие шмотки у тебя есть, - Лиса решительно поднялась с кровати, упёрла руки в бока.

- Как это действовать? Нет у меня «шмоток», - Саша старалась защититься, но удивление этому очень мешало.

- Да хватит тупить, а!? Хотя, о чём это я, правда, какие у тебя шмотки. Завтра с утра пойдем, прошвырнёмся по моллам. Во прикольно будет, - на этой позитивной ноте Лиса отправилась в ванную.

Во-первых, про отсутствие «шмоток» было обидно: одевалась Саша прилично. «Блин, опять обидно, потому что правдиво. Слово «прилично» не должно полностью подходить к словам «гардероб девушки». «Гардероб современной молодой девушки», – тем более! Во-вторых, никуда она завтра не пойдёт, есть более полезные дела. «Полезные», – Саша посмаковало это слово, повертела на языке, повторила. – Какое-то оно взрослое, зрелое. Как «практичное» и «приличное». В-третьих, это наваждение какое-то, завтра всё станет как раньше, Лиса побежит в магазины с подружками, Дэна Саша больше не увидит, а пойдёт выбирать себе открытки покрасивее»

Ночь. Продолжение

- Спишь? – через некоторое время Лиса вернулась из ванны.

- Нет, - честно призналась Саша.

- Правильно, ночью спать не надо, - даже в этой фразе Саша услышала намёк на пошлость.

- А я вот так не встречала никого и никогда, - откровенность этой фразы зашкаливала, сон ушёл окончательно.

- Как это никого? – о количестве таких «встреч» знала даже Саша, которая не очень интересовалась личной жизнью сверстниц.

- Да я не о том, глупая. Вот так чтобы тёплая ночь, задний дворик, переливы гитары, луна, незнакомец, и влюбиться..., - каждое, каждое слово Лисы имело зерно правды, но все вместе они создавали невиданный цветок преувеличения.

- Чего-о-о? – только и смогла выдавить из себя Саша.

- Эх, одно только «поехали ко мне», «у тебя красивый загар», «ещё шампанского?». Вот бы мне такой...как её...о, вспомнила, романтики! – Лиса мечтательно закатила глаза в потолок. Саша к такой исповеди не была готова совсем, сидела с вытаращенными глазами и только хлопала ресницами. – Ну, ничего, и на нашей улице будет праздник, должно же фартануть однажды!

- А тебе что, правда, не фартило так? – этот вопрос был последним в списке дурацких вопросов и возражений, но вылетел именно он. Ещё и с этим жаргонным словечком...

- Говорю же тебе, не-а. Весело, пьяно, иногда и в постели повезёт, если не совсем придурок. А так, пустовато каждый раз... Скука... Причём, эту скуку начинаешь ощущать даже не на утро... Иногда, задолго до утра, - Саша испытывала ощущение, когда, кажется, что предел удивления уже был достигнут. А, нет, есть куда ещё:

– У тебя же так много парней?!

– Много, да все на одно лицо... Хотя бы ради разнообразия попался бы другой тип. С другой стороны, этот «другой тип» так запросто ко мне и не подойдёт... Образ у меня такой что ли. Огненный образ. Боятся они. Они больше для таких, как ты, воздушных. Ты кстати кто по гороскопу?

- Весы, - на автомате ответила Саша.

- Всё понятно: взвешиваешь, оцениваешь, короче, тупишь бесконечно из-за этого, - где-то на периферии сознания Саши бродил вопрос: «А эти открытые и завуалированные оскорбления когда-нибудь прекратятся?». – Понятно, дальше будем действовать решительно. Что-то у тебя вид, как будто бы тебе лопатой по затылку шандарахнули. Давай-ка ложись, высыпайся, а то ещё завтра тоналку на твои мешки под глазами изводить.

Этим сумбурным замечанием Лиса и закончила их болтовню. Забралась в постель, а через минуты три уже мирно и очаровательно посапывала. Вопреки ожиданиям, Саша успела провернуть в голове только последнее замечание, отметив, что «тоналка» у неё тоже есть, только где-то на дне косметички. Тюбик тонального крема она не открывала уже года два...

День

Когда ты просыпаешься днём, а не утром, тебя встречает паническое чувство – проспала! Но оно длится всего мгновение, затем вспоминаешь, что опаздывать некуда. Можно ещё поваляться. Лисы в комнате уже не было. «Фух, - выдохнула Саша, - наваждение закончилось». Эмоций, конечно, вчера было собрано очень много. Сегодня будет точно поспокойнее. С этими мыслями она начала собираться. Когда она почти закончила, дверь открылась и раскрасневшаяся Лиса шагнула внутрь.

- О, ты уже не дрыхнешь, отлично, пойдём скорее, - её глаза улыбались, и она вся была наполнена энергией.

- Куда, - только и выдавила из себя Саша.

- Как куда, надо прошвырнуться по магазинам, забыла что ли? – Саша решила не спорить, не обсуждать, а поддаться этому странному течению, которое непонятно откуда взялось и непонятно куда несло её.

Удивительно, но никого из подружек Лисы не было в коридоре. Девушки спустились вниз, и вышли на улицу. Лиса взяла Сашу за руку, потому что Саша смотрела всё время по сторонам, поэтому за решительно шагающей соседкой не успевала. Они побывали в Стокмане и других торговых центрах, маленьких магазинчиках в переулках, в бутиках на главной улице и много где ещё. Саша просто отключила голову, и наслаждалась тем, чем и должны наслаждаться девчонки: шопингом и болтовнёй. Не то чтобы у неё не было подружек, не то чтобы она не любила всего этого... Но сейчас это было ... правильно.

У Лисы в очередной раз телефон разразился каким-то резким кричащим звуком.

- О, смотри, не так всё и плохо, сегодня намечается тусня, - Лиса быстро застучала наманикюренными пальчиками по экрану.

Как это у неё получалось так ловко?

- Что за вечеринка? – Саше тоже стало любопытно.

- Да прямо у нас, где мы живём. Девчонки познакомились с какими-то иностранцами, - тут у Саши ёкнуло в груди.

- Какими ещё иностранцами? – Саша даже смешно попятилась назад.

- Сама догадайся! Чего ты такая офигевшая? Или напуганная. Так, некогда мне возиться с тобой. Быстро иди домой, оденешь вот это и вот это, - она начала рыться в пакетах и сумках, быстро показывая недавно купленные

вещи. – Потом накрасься, хотя, подожди. Нет уж, лучше я сама, - это замечание было проще пропустить мимо ушей, чем отвечать на него.

- Ладно, ладно, - если и был в Саше строптивый дух, то он точно спрятался.

Вечер

Лиса действительно умела наводить макияж. Она не скопировала свой (чего Саша боялась больше всего), а умело подчеркнула большие глаза, длинные тонкие губы (они стали не такими уж тонкими), наложила немного тоналки, совсем чуть-чуть. Саша в зеркале себя даже не узнала. Нет, это была, конечно, она. Но... выглядела она очаровательно, даже самой понравилось. Можно сказать, это была высшая оценка.

- Мне нравится, спасибо, - Саша тепло улыбнулась Лисе, которая колдовала уже над своим образом.

- Главное – воспользоваться. Так что не тупи, чтобы мои старания не прошли даром, - Саша даже не стала уточнять, при чем здесь «не тупи», потому что почувствовала бы себя ещё более неловко. – Всё пошли.

Они зашли в номер к двум подружкам Лисы. Одна из них была томной брюнеткой, с немного прокуренным низким голосом, в строгом чёрном платье. Другая – пепельная блондинка, в облегающих джинсах, ковбойской красно-синей рубашке и высоких кедах «ALL STAR». Да уж, классическое трио получалось. А вот Саша была странным дополнением...

Они холодно поприветствовали её, но, тем не менее, martini налили. Лиса была не из тех, которые специально пытаются всех подружить, создать комфортную атмосферу. Ей в любой обстановке было уютно, такая высшая форма приспособления что ли. Саша уже допила свой бокал, и тупо смотрела на свои туфли. Становилось реально скучно. Лиса, наболтавшись с подругами вдоволь, предложила уже переходить к самому интересному. Брюнетка, которую звали Алина, имя ей очень подходило, повела всех за собой. Когда они шли по коридору, вальяжно и непринужденно, казалось, что сейчас начнутся съёмки клипа Селены Гомез или Кейти Перри. Сашу, скорее всего из кадра бы убрали, либо, наоборот, сделали главной героиней, таким преобразившимся гадким утёнком... С новыми сюжетами в шоу-бизнесе всегда тяжело.

В просторном, по сравнению с их комнатухой, номере негромко играла музыка похожая на кантри. Парней оказалось всего двое, они играли в приставку, когда девчонки пришли. Дилемма «приставка или девчонки» очень тяжелая, не так-то просто выбрать. Но раз уж сами позвали, раз уж они все оказались симпатичными (большая редкость), то поиграть придётся попозже. Кто-то присел в кресло, кто-то на кровать, повисло странное

молчание после приветствия. Лиса, конечно, могла всё исправить, но пока она жадно рассматривала парней. Мелкие детали, брошенные фразы позволяли ей мгновенно составить мнение о каждом. А то, что они говорили на другом языке – значения не имело, она ходила в гимназию с углубленным английским, вот и пригодилось. Наконец, она выбрала себе жертву и села рядом с одним из них. Защебетала ему на ухо со своим умильным акцентом. Это сработало как спусковой крючок. Парень сменил музыку на электронную и сделал громче. Второй парень пытался обольстить сразу двух оставшихся подружек Лисы, которые подсели к нему с обеих сторон. Саша отошла к раскрытому окну. Не то чтобы скучала, всё шло своим чередом. Видно было, что парням она внешне понравилась, просто они выбирают живое и яркое. Блестящее. Как глупые сороки. Она, сжимая недопитую бутылочку пива, смотрела на небо. Много звёзд, мало облаков. Дышать и ощущать ночь не мешала даже музыка и хихиканье девчонок. Присаживаясь в кресло у окна: «Пойти домой что ли» - мимолетно подумала Саша, и, пожав плечами, откинулась на его мягкую спинку, прикрыв глаза.

Ночь

- Можно? – из полудрёмы её вырвал неожиданный вопрос. Парень, которого она вчера встретила на пожарной лестнице, неуклюже подтаскивал второе кресло к окну.

- Ну, и ночка! – Дэн протянул ей открытую бутылку пива, при этом глядя на небо. Это было удачно, потому что Саша так покраснела, что даже при приглушённом свете это можно было разглядеть. Она поставила недопитую бутылку на пол, взяла новую. – Sasha, верно? – он, наконец, взглянул на неё. Она уже пришла в себя и сделала большой глоток.

- Ага.

- Как тебе вечеринка? – он сделал полукруг бутылкой с пивом в сторону комнаты. Лиса с первым парнем уже куда-то ушла (кто бы мог догадаться куда?), а остальные трое были на маленькой кухне, пили «текила-бум», судя по крикам. А может не пили, а кто-то кого-то спаивал.

- Нормально, - Саша была «мастером» диалогов. Дэн улыбнулся знаменитой голливудской улыбкой.

«Так, у них в штатах другие улыбки вообще бывают?», – Саша невольно улыбнулась в ответ.

- А давай не будем задавать сегодня обычных вопросов, только странные, а? – он оригинальничал, но ей это понравилось. Весь этот образ: бейсболка одетая козырьком назад, футболка с неизвестной группой, рваные джинсы и белые кроссовки, не отталкивал. А наоборот был приятен. Западные фильмы

всё-таки поселили в сердца девчонок симпатию к тривиальным историям любви и их героям.

- Любимый соус? – началось.

- Даже не знаю, как это сказать по-английски, аджика. Ну, чили.

- Окей, теперь ты.

- Океан или река?

- Что это ещё за вопрос такой.

- Ты же сказал, странные надо.

- Тогда река.

- Странный выбор.

- Да уж...

Они задавали друг другу дурацкие вопросы, на смену которым пришли всё-таки и обычные: откуда, как давно, с кем... Тёплая ночь обняла их, дала почувствовать, что они вместе. Точнее рядом. Метафизически рядом. Он казался бунтарём, но это было обманчиво. Она казалась закрытой, но это только сначала. Когда она смеялась, то немного наклонялась вперёд и затем откидывала рукой свои длинные волосы назад. Он хотел, чтобы она как можно чаще это делала, поэтому старался рассмешить её. А ей было по-настоящему легко. Просто и непринужденно.

- Так, теперь давай прочитай стих, по-русски, - он смешно раздвинул руки и немного приподнялся.

- На русском? А ты готов к такому? – улыбка почти всё время была на её лице.

- Конечно, королева!

- У нас не было королев, - машинально поправила она.

- Хорошо, хорошо. Ну, давай!

Она прочитала ему стихотворение Есенина. Странный выбор, хотя русский дух в нём точно был. Он завороченно слушал. Точнее смотрел. Как двигаются её губы, как разгорается огонёк в её глазах.

- Всё! Очнись! Понравилось? – она была взволнована.

- Да, очень!

- Что могло тебе понравиться, ты ничего не понял! – она говорила это совсем с детской интонацией, - ладно, твоя очередь. Спой мне! – а это прозвучало с капризной ноткой.

- Спеть? Хм, окей, - он потянулся за гитарой, - что же тебе спеть?

- Ну, ту, которую ты вчера пел.

- Какую? А-а-а, понял. Ну, ладно.

Было уже ближе к утру. Он пел ей песню о любви, как пел, или мог бы петь, Джонни своей Джун в придорожном мотеле в Теннесси. Когда они только познакомились. Жизнь была впереди, все радости и страдания, дни рождения и тяжёлые операции, первые выпавшие зубы детей и первые ухажёры дочери, скандалы, истерики, битая посуда, подаренный свадебный сервиз, умиротворенность в спальне и сцепленные руки сидевших на веранде стариков...

Всё, всё это было ещё далеко. А тем утром, он укрыл её дырявым пледом в кресле у окна и пошёл за кофе.

Утро, спустя много лет

Чёртова старая тойота опять не завелась. Рассерженный Дэн вернулся в дом.

- Саша, она опять не завелась! Эта старая колымага опять не завелась. А на улице всего минус двадцать! Саша, ты слышишь меня? – Дэн снял тяжёлый пуховик, прошёл на кухню и заглянул в холодильник.

- Значит, в школу не пойду! – с искренней радостью, которую только и может доставить эта новость ребёнку, крикнула Саманта и сбежала вниз по лестнице. «Ребёнку» было уже 16 лет, но выглядела она старше. Чем ещё больше добавляла обеспокоенности отцу.

- Вот ещё, сейчас позвоню Майку, он заберёт тебя, - Дэн был настроен решительно.

- Но, папа! – Саманта смешно надула губы.

- Сэм, одевайся, он скоро будет, - она нарочито медленно начала подниматься вверх, - скорее!

- Ну, зачем ты так? – Саша подошла к Дэну. Она изменилась за последние годы. Аккуратное каре сменило длинную косу, паутина морщин легла вокруг

глаз. В бежевом деловом костюме, она плыла, а не шла по комнате. Красота осталась, но красота стала другой. Больше грации, строже гардероб.

- Как так? — прикидываться непонимающим было его излюбленным занятием.

- Ты резок с ней.

- Опять за старое, тебе просто кажется. Я говорю с ней по-деловому.

- А она хочет, чтобы ты говорил по-отечески...

- Не начинай.

- Нет, а что?

- Не начинай, я прошу, - он взял бутылку с молоком и пошёл в свою студию.

- Не пей холодное из горла, - он уже не слышал её.

В своей студии он слышал только голоса великих музыкантов. Все их песни, эти шедевры звучали здесь. Здесь он становился собой, чистым. Без кредитов, без счетов, без будничной суеты. Он включил старую стереосистему, с небольшим треском заиграл верный добрый рокабилли. На его мягком потёртом коричневом кресле что-то лежало. Он уселся, взяв в руки альбом с семейными фотографиями. «Наверное, Саша забыла», – мысль обдала теплом: она тоже всё помнила. С внутренней стороны обложки был прикреплен листок, на котором была написана свадебная клятва Саши. Он не знал русского, но помнил каждое слово. Заканчивалась она фразой: «Нас двое, но жизнь одна». Чтобы понять её потребовалось очень много времени...

Очень много событий.

Целая жизнь...

Наполненный воспоминаниями и музыкой, он не заметил, как она вошла.

- Можно? — она, смешно корячась, пододвинула второе такое же старое уютное кресло, - что задумался?

- Да так, вот листал альбом, - он протянул Саше альбом, а сам осторожно прикрыл глаза. Она с нежностью перебирала страницы.

- Сколько всего было, Дэн, - проговорила она с нежным придыханием.

- Ну, вот. Мы говорим, как старики, - заворчал Дэн, совсем как старик.

- Ничего не старики. Какие же мы старики, у нас даже внуков нет, - нота сожаления мелькнула в её голосе.

- Я тебе покажу, внуки, - он выразительно посмотрел на неё.

- Слушай, а эта тема просто неиссякаема, чтобы задевать тебя, - она улыбнулась.

- А вот и не надо её поднимать. Хотя бы сейчас.

Они замолчали. Каждый думал о своём, но было столько общего в этом «своём».

Солнечное зимнее утро заполнило студию. В этот момент могла заиграть только одна песня. И она заиграла.

You said love is a temple

Love the higher law

Love is a temple

Love the higher law

Ты сказала, что любовь - это храм,

Любовь - это высший закон,

Любовь - это храм,

Любовь - это высший закон

Johnny Cash

Январь-февраль 2015 года, Академгородок

НЕИСТРЕБИМЫЙ СВЕТ:
ПЕТР СТЕПАНОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ, ЧЕРНОВИК БИОГРАФИИ
ПОЭТА

Храню и в бедах, и в беспутстве я,
Когда в душе моей разруха,
Животворящее присутствие
Неугасающего духа.

Когда и жить уже не хочется,
Как трудно, посреди обиды,
В густом тумане одиночества
Себя не потерять из вида!

«Это стихи моего учителя» – мой гость протянул мне тонкую стопку машинописных листов. Происходило это почти четверть века назад, в квартале от моего нынешнего жилья, в километре от тогдашнего. Я работал, вернее, подрабатывал, ночным сторожем. Гости заглядывали, когда уходило начальство.

Стопка вряд ли была прочтена внимательно, но даты под стихами удивили – мне пока не доводилось читать стихов, написанных в Самаре, вернее, ещё в Куйбышеве, в шестидесятые годы.

Когда кручина безнадёжная
И нет подмоги ниоткуда,
То нужно делать невозможное,
Творить спасительное чудо.

Ощущение безнадёжности кручины появилось гораздо позже, чтобы отвлечь себя от кризиса среднего возраста, я устроил разборку архива. Тогда и пришло время внимательного чтения. Десяток стихов, судя по датам, написанных в диапазоне с 1965-го по 1969-й год. Увы, без имени автора. Увы ещё раз, моего бывшего гостя уже не было в живых.

На выяснение авторства ушла пара лет. Нет, жизни на это я не положил, но при общении со стихотворцами старше меня интересовался, кто бы мог писать стихи... дальше шло техническое описание формальных особенностей и тематики... Если имеешь дело с профессионалом – стиль автора можно

описать почти так же досконально, как почерк преступника по преступлению. Разгадка имени случилась в выходной, на окраине центральной городской площади. Тут, прососедясь к ярмарке, устроились торговцы разнообразным секонд-хендом. Среди коих и, – если на ярмарочной обочине уместно это возвышенное слово, – букинисты. Один из них, не просто букинист, но поэт, громогласный и всегда в подпитии, тряхнув спутанными волосами, без тени сомнения отчеканил: Пётр Степанович Александров. Сейчас благодарность поэту-букинисту можно передать разве что в Элизиум теней, поскольку он уже покинул этот мир.

На дальнейшие вопросы поэт отвечал путаясь и сбиваясь, перескакивая на другие темы и впадая в регулярные эмоциональные буйства. Я пытался захватить его трезвым, хотя бы относительно, пробовал назначать встречи в разные дни недели и времена года и суток, но потерпел фиаско.

Дальнейшим разысканиям помогло место встречи моего бывшего гостя с Учителем, о котором при передаче машинописи он счёл необходимым упомянуть. В моей памяти это место, к счастью, отложилось. Где хрестоматийно поэт может встретить Учителя? Нечего даже и думать, конечно, в психиатрической лечебнице!

Есть у меня знакомый психиатр, знакомству нашему уже лет тридцать. Но даже столь длительная давность нашего приательства вряд ли заставила бы его выкрасть для меня личное дело больного Александрова П.С. Надо было искать другие ходы.

Сникают жизненные ужасы

И пропадают, как химеры,

Перед спокойной силой мужества

И неизбывной мощью веры.

И вдруг память выудила имя: Олег Дальнов. Психиатр, нечуждый искусству, я запомнил его по совместной выставке с Женей Казниным, «самарским Ван Гогом», а по совместительству, пациентом Дальнова. Поэт наверняка заинтересовал бы такого врача не только с клинической точки зрения. Я набрал номер телефона знакомого и попросил поговорить на интересующую меня тему с Дальновым. На следующий день знакомый перезвонил:

– Я скоро подрулю, забирай папку. – ... какую папку? – Которую Дальнов дал до вечера. Со стихами этого Александрова.

И вот я поднимаюсь по ступеням, прижимая к груди драгоценную папку, вот отщёлкиваю машинописные листки на цифровую камеру, лишь после этого

можно позволить себе вчитаться. Здравствуйтесь, Пётр Степанович! Спустя столько лет скелет мифа о поэте обволакивает упругая стихотворная плоть.

Кружатся звезды веселого снега,
Кружится мир в ослепительной мгле.
Радуюсь счастьем, летящему с неба,
Радуюсь белой небесной земле.

Что мне сейчас осуждение чьё-то
Что мне борьба правоты и вины,
Коли я знаю, что жизни без счёта
В бьющейся вечности мне суждены?

Неофициальная поэзия если не появилась, то проявилась в 50-е годы XX века. Возникла эта странная штука по причине существования поэзии официальной. Официальная поэзия публиковалась в официальных изданиях. Частных типографий не существовало вовсе, всё, печатавшееся в типографиях, было в той или иной степени официальным. Из других способов тиражирования текста на долю поэзии неофициальной остались, если не считать чтения вслух, либо переписывание от руки, либо перепечатывание на пишущей машинке (с появлением копировальной бумаги выходило несколько копий за раз). В неофициальной поэзии, вставшей на ноги без дамского меча цензуры, стало возможным отойти от идеологических и формальных стандартов соцреализма. Напомню, что такие стандарты были обязательными для печатания в официальной прессе. Отход от них влёл за собой тщательно разработанный и отработанный комплекс карательных мер.

Скользит образчик шпика безупречного,
Помойным взглядом встречных теребя,
И вызывает в людях трепет вечного
Святого беспокойства за себя.

Когда развитие техники привело к тому, что государство уже не могло тотально контролировать тиражирование текстов, была объявлена Перестройка – период адаптации к новым условиям.

Выросшим уже в этих новых условиях надо объяснять вещи, ранее казавшиеся элементарными. Приходится занудствовать. Ведь стихи, о которых пойдёт речь, написаны в другие времена. В них надо заныривать,

иначе многое пройдёт мимо глаз – зеркальная поверхность времени отражает сегодняшние небеса, отгораживая нас от вчерашней глубины.

Неистребимый буду свет нести,

Расти, зерно святого света

И сокровенной беззаветности

Весёлой стойкости поэта.

Откуда просочился к провинциальному юноше неистребимый свет? Словосочетание поначалу появляется в переводе бодлеровского сонета «Живой факел» (Le Flambeau vivant), созданном символистом Эллисом (Кобылинским), повторяется в стихах эмигрантки-парижанки Раисы Блох, погибшей в нацистском концлагере... Петербургское начало века, европейские тридцатые годы, послевоенное Среднее Поволжье...

В 50-е годы неподцензурные поэты, словно грибы, произрастают кругами: барачники-лианозовцы и «круг Черткова» в Москве, филологическая школа и «ахматовские сироты» в Питере... Пишущее окружение начало формироваться вокруг Александрова не раньше 60-70-х годов, в 50-х он волк-одиночка и в этом ближе к собратьям вне кругов вроде питерца Роальда Мандельштама или саратовца Валентина Ярыгина.

Столичные поэты склеивали разорванные связи с Серебряным веком, совершая паломничества к выжившим патриархам – к Ахматовой, Пастернаку, Заболоцкому, Кручёных... От кого мог перенять жезл досоветской традиции Александров? Может быть, от поэтессы Веры Ледковской – с ней, преподававшей иностранные языки в куйбышевских ВУЗах, дальней свойственницей Владимира Жуковского, получавшего в начале века Пушкинскую премию за переводы Эредиа, он должен был пересечься.

Самые ранние из известных на сегодня стихов Александрова датированы 1947-м годом и в них уже заявлены его ведущие темы и интонации: «Есть только дрожь / Нашей души. / Чем ты живёшь, / То и пиши». «Не думай, зачем это создан / Страданий и радостей ряд. / Стремись уподобиться звёздам: / Горят!»

Пётр Степанович Александров родился 25 сентября 1927 года. Если это случилось в Самаре, – что наиболее вероятно, но пока не доказано, – то за год до рождения население его родного города составило около 176 тысяч человек. Ему было семь лет, когда город сменил имя и не успело исполниться сорока, когда в теперь уже Куйбышеве родился миллионный

житель. Он дожил до времён, когда мегаполису присвоили имя городка, когда-то располагавшегося на его ныне разрушающейся окраине.

Одногодки поэта гибли на фронтах Великой войны, но совершеннолетие поэта наступило уже после её окончания. Фактически, он угодил в первое поколение, не призванное на фронт. Что отнюдь не гарантировало последующего благополучия, – за месяц до Александрова родился поэт с судьбой, трагичность которой исключительна даже для не балующей российских поэтов фортуны, Валентин Соколов-З/К. В следующем году родились Юрий Айхенвальд, Валентин Берестов, Владимир Корнилов, Инна Лиснянская, Виктор Некипелов, Олег Прокофьев и Софья Прокофьева, Генрих Сапгир, Владимир Соколов, Александр Цыбулевский – наверное, кроме даты рождения, трудно найти в их биографиях что-то общее. В поэтике, пожалуй, тоже.

Если не с детства, то, как минимум, с юности поэт страдал от болей в сердце и прогрессирующего ухудшения слуха. С годами, – сказалось частое употребление недорогого советского вина, – компанию сердцу и слуховым трубам составили почки. При всех недугах поэт внешне не производил впечатления болезненного человека.

Невзирая на вызванные слабостью почек периодические конфузы, в употреблении спиртосодержащих напитков поэт себе не отказывал, отчасти из соображений принципиального характера. Поэт не просто выпивал, он воспел этот процесс и его последствия в своих стихах и создал нечто, вроде философии, обосновывающей благотворность винопития.

Враги преследуют вино.
Ну, а по-моему, оно
Не для забвенья нам дано,
И не для пьянства,
А осветить, когда темно,
Миров пространства.

В памяти современников сохранилась почти фольклорная сцена знакомства двух аполлоновых питомцев. Оба – не только неподцензурные поэты, культовые в узких кругах, но и энтузиасты питья. Один из них наш герой, другой – бывший цирковой акробат Александр Скоромыкин. До несчастного случая, раздробившего акробату позвоночник, выполнявший сальто замысловатые настолько, что коллеги были не в состоянии их повторить. Встреча титанов состоялась «на дне». Горьковской идиомой куйбышевцы нарекли укромный городской уголок близ Жигулёвского пивзавода. Литраж разливаемого здесь пива мог бы потягаться с Волгой, шуршащей неподалёку.

– Мастер спорта – протягивая руку, представился экс-акробат.

– Мистер спирта – отозвался, отводя в сторону кружку, экс-доцент-филолог.
О доцентстве и филологии чуть позже.

Как страшно то, что ум простой в загоне,
А тупость хитрая умеет жить,
Что человек за благами в погоне
Готов живое счастье упустить.

Что юное погибнуть не боится
А старое не хочет умереть
И жизнь, которая согреть стремится
Холодный мир – не может не сгореть.

Если принять, что стихи пишутся по горячим следам, то в 23-24 года поэт, пользуясь его словами, «дал себя распять / На кресте супружества». «Пусть меня супруга ест – / Мне отнюдь не хочется / Заменять свой тяжкий крест / Гробом одиночества» – пояснял он в том же стихотворении.

Незаметнее запах травы,
И ушёл пессимизм беззаботный.
Из альбомного возраста вы
Переходите в возраст блокнотный.

Теперь обещанная филология. По окончании филологического факультета, – тогда, кажется, факультета русского языка и литературы, – поэт готовит и защищает диссертацию. Тему диссертации предстоит выяснить. Место прохождения аспирантуры и защиты диссертации тоже неизвестно. Если не ошибаюсь, аспирантура в те времена в Куйбышеве не практиковалась, а уж диссертационная защита отсутствовала в любом случае.

Переживи и нигилизма корь
И возрастную манию величия...

1952-м годом датирована эпиграмма на старшего коллегу «Большой лингвистический витязь! / Вы дышите книжной пылью. / А ветра вы страшно боитесь, / У вас лишь перо, а не крылья» – далее тон эпиграммы

становится резче и цитату тактичнее оборвать. Идентифицировать «большого лингвистического витязя», имя которого спрятано под инициалами, можно почти безошибочно – член-корреспондент Академии Наук, профессор, основатель онтолингвистики, одна из главных фигур куйбышевской лингвистической школы, учёный, подтянувший самарскую науку к величию, Александр Николаевич Гвоздев. В 1952-м Гвоздеву исполняется шестьдесят лет, Александрову – двадцать пять. Молодого максималиста, судя по всему, не устраивает в старшем коллеге несоответствие, – действительное или только ему мерещащееся, – научного веса и того, что можно назвать лёгкостью мысли, её игрой. «Есть люди. Суть их в героизме. / Щедры и чужды укоризн, / Они проигрывают в жизни, / Зато выигрывают жизнь. // Хотя они и умирают, / Быть может, в муках, может, в зле, / Они как луч весны играют / И знают небо на земле» – формулирует поэт своё кредо дюжину лет спустя.

К этому времени у Александрова появляются ученики. Ну, если не ученики, то, как минимум, внимательные и понимающие читатели. Находит их он вовсе не там, где преподаёт по долгу службы. «Я встретил Учителя в психиатрической лечебнице, на Нагорной» – Сергей Поберёзкин. Здесь уместно представить Сергея Поберёзкина, это тот самый человек, что возник в первом же абзаце как мой гость. Со стопки машинописных листков, принесённых им, всё и началось. Во всяком случае, для меня. Стихи Сергея, на мой взгляд, не освободились от влияния Учителя, при том, что поэтом он, вне сомнений, был. Но его сила и заслуга в ином – в нескольких романах, числом не меньше восьми. Я читал только два романа из окталогии (?), такого города Куйбышева и таких его обитателей я не встречал ни у кого. Уникальность описания базируется на творческом принципе, усвоенном от Петра Степановича – писать, забыв о цензуре, не предугадывая реакции читателей, не думая о возможности или невозможности публикации. Если меня спросят, какая проза наиболее совпадает с моими собственными ощущениями времени и места (Куйбышев последних десятилетий прошлого века), я порекомендую неизданные, почти никому не известные, пылящиеся в чудом сохранённом родными и пока ещё недоступном архиве романы Сергея Поберёзкина. Ученика Петра Степановича Александрова.

Мыши замечутся в сонном страхе.

Их идеалы, сало и быт,

Сдунет ветер в едином взмахе

И о камня в прах раздробит.

Заполыхает мир непрощённый,
Жизнь с телефоном, жизнь без идей.
Трепет пророков невоплощённый
Карой обрушится на людей.

Все, что жирело и хохотало,
Тонко застонет и заскулит.
Все, что безумно в цепях тосковало,
Крылья расправит, в небо взлетит.

Татьяна Зоря: «Пётр Степанович Александров... я встретила его то ли в конце 70-х, то ли в начале 80-х у Толика Ширманова, племянника известного краеведа. Толика уже нет в живых. Узнав, что Пётр Степанович привёз новые стихи, Толик бросился переписывать, у него, у Толика, даже руки задрожали. (Внутренний голос литературоведа бубнит: если сохранились бумаги племянника краеведа, то в них могут оказаться стихи П.А., причём позднего периода, пока нам неизвестного). Толик жил рядом с магазином «Сюрприз» у площади Куйбышева, а Пётр Степанович приехал на электричке, он жил где-то рядом с платформой «Киркомбинат». Толик поставил ему дешёвого вина. Руки Петра Степановича подрагивали, но он не выглядел опустившимся. В его облике было благородство. И тонкая ирония. Я не помню, о чём он говорил и ощущение благородства было, пожалуй, связано не с тем, что он говорил – благородство воспринималось частью его натуры. Он был похож на белого офицера. Такого, как их показывали в кино: пережившим глубочайшую трагедию человеком чести. Выжившим и дожившим каким-то чудом».

Я – лишь часть в великом целом.
Ненадолго счастье с частью!
Мне и то большое счастье,
Что пока остался целым.

Когда-то у Петра Степановича была семья: дочь, жена работала где-то в библиотеке, кажется, в областной, тогда библиотека размещалась в левом крыле театра оперы и балета.

«Каменно знаю в убитой душе я, / Мёртвыми ясными знаю очами: / Дочь тебе будет петлёю на шее, / Близкие будут тебе палачами» – в жутковатых строчках отразился разрыв.

Переселение в район платформы «Киркомбинат» после размена квартиры. Я жил невдалеке, у соседней платформы «Толевая». На «Киркомбинат», Кирюху, ездил, как все пацаны, перекидывать пачки чая и облатки кодеина через двойную зоновскую колючку – зеки в ответ бросали изукрашенные зоновскими умельцами ручки, расчёски, мундштуки, за кодеин могли бросить нож-выкидуху. С другой стороны платформы, не той, где зона, жил знакомый битломан. И Пётр Степанович квартировал где-то здесь. Кирюха мало отличалась от Толевого, равно как и все посёлки городской Промзоны вдоль железной дороги и недалёкого берега Самарки: от Стошки до Запанского. Места злачные, бандитские. Оставим для них одно слово из нашего самарского диалекта – курмыши. Девушка из более благополучного района рассказывала, что именно здесь впервые в жизни увидела мертвецки пьяных людей, лежащих вповалку прямо на улице.

Я знаю, что счастья не встречу нигде,

А радость повсюду со мной.

Я вижу, как ветер дрожит на воде

И небо дрожит над водой.

Психушка, курмыши, дешёвые вина – разве что преподавание в ВУЗе (каком? не знаю) звучало биографическим диссонансом. Не слишком долгим. В год сорокапятилетия поэт стал проклятым практически хрестоматийно: «Потому что, душой дорожа / Из доцентов ушёл в сторожа» – обратим внимание на изящество рифмовки, внутренние рифмы смотрятся здесь подобно виньеткам на смертном приговоре. Фраза «из доцентов ушёл в сторожа» стала локальным мемом, я встречал её в книге самарского психотерапевта Михаила Покрасса. На вопросы об источнике цитаты Михаил Львович, увы, не ответил.

Я вспыхнул искрой на одну минуту.

В холодной мгле – безбрежном бытии,

И вечную бессмысленную смуту

Одели красотой глаза мои.

Многие стихи Александрова напоминают самоутешительные заклинания, рифмованные сеансы аутотренинга. Мир прекрасен, я не теряю самообладания, всё пройдёт, действительность лишь иллюзия, нет ни смерти, ни бессмертия, всё относительно — ум перетасовывает способы урезонить языки пламени, рвущиеся из преисподней. Аутсайдер в поисках чуда, именно в собственном аутсайдерстве он находит себе поддержку: не случись этого добровольно-принудительного лузерства — и чудеса, глядишь, обошли бы стороной.

Только странным, лишь сторонним,

Виден мир со всех сторон,

Лишь чуждак, что чужд погони,

От чудес не отчуждён.

Неудивительно, что эти стихи воспринимали и как своего рода проповеди, а их автор представал в роли Гуру, Учителя жизни. Жизнь Петра Степановича — самостоятельное произведение искусства, как раз тот случай, когда текст в сплаве с биографией приобретает, а не теряет. И наоборот, текст, оторванный от судьбы, дистиллированный и сепарированный, может быть заподозрен бог весть в чём и отнесён к разряду то ли доморощенных философствований, то ли бодрящихся банальностей.

Лирика схожего рода обретёт чрезвычайную популярность на рубеже 70-х и 80-х, её краткий триумф связан с текстами песен тогдашних рок-групп вроде «Машины Времени» и «Воскресения». Ироничные, загадочно-абсурдные тексты групп ленинградского рок-клуба вскоре сделают её старомодной. Поэзия Александрова не входила в моду и не выходила из неё, её непубличность дала ей шанс не изгибаться вслед волнам изменчивых вкусов. Волны бушуют на поверхности, в тех глубинах, которые облюбованы поэтом, о них напоминает лишь лёгкая рябь.

Живо то, что умереть должно,

И мертво бессмертное пространство,

Где шумит о том, что всё равно,

Постоянное непостоянство.

Курмыши с их обитателями, неширокий круг провинциальных преподавателей и учёных, соседи по палате в психиатрической лечебнице — отражены в лирике поэта разве что косвенно. Лишь изредка автор впускает их в пространство текста. Но, подобно поэтам-символистам начала века, предпочитает заселять это пространство абстракциями, символами, лишь

намекающими на реальность. Сюжет следует за размышлением. Созерцание переходит в раздумье. Органы чувств не вступают в конфликт с мыслью. Лирика поэта целомудренна, эмоции не рвутся, не зашкаливают, не перехлёстывают через край. Может быть, подозревая свой тип самоощущения в некоторой флегматичности и умозрительности, поэт предпочитает размышления на фоне пейзажа. Звуки, цвета и ощущения в созерцании и диалоге с природой. Природой скорее не города, но мира как такового, урбанистический пейзаж в стихах Александрова чрезвычайно редок. Он горожанин по факту, но не по самоощущению. Впрочем, и пейзажи норовят перевоплотиться если не в символы, то в аллегории. Небеса, облака, воды, ветры – лишаясь плоти, вступают в диалог с абстракциями на равных. Акмеистической вещности в стихах поэта практически нет. Не шибает в нос, не режет глаз, не терзает слух – что вы! Шершавой фактуры, угловатых перспектив, стихов лесенкой тоже нет, то есть и пост-авангардный опыт также ему чужд, хотя любовь к паронимии и парадоксализм выдают в нём стихотворца XX-го века. Тем более, чужд соцреализм, с точки зрения которого поэт-еретик попытался совершить невозможное – «жить в обществе и быть независимым от него». Разве что аскетичная риторика, некоторая сухость интонации намекает на атмосферу, в которой произошло провинциальное экзотическое чудо.

Прочтёт литературовед
Прекраснодушный этот бред
И скажет веско: «Жизни нет,
А есть наивность
И скверная для зрелых лет
Декларативность,

И созерцательно-сухой
Абстракций тощих мёртвый рой,
А где конкретный и живой
Гражданский пафос?
Какой в зубах навязший вой,
Какая пакость».

Публиковаться ему, разумеется, вряд ли приходило в голову. (Хотя не исключаю, что в вузовской многотиражке «Молодой Учитель» можно найти следы поэта-студента. Следы много чего отпечатывались в таких многотиражках. Даже я, бунтарь-ниспровергатель в юности, в своё время наследил.)

Времена, на которые наклеены ярлычки «перестройка» и «демократия», для Петра Степановича ничего принципиально не изменили. Разве что выживать

в мире рвущихся за облака цен стало трудновато. Количество стариков, оплативших жизнями социальный эксперимент, затеянный властями, учёту не поддаётся. Да их никто и не считал.

Читать в эти времена хватало кого и помимо аутсайдеров-провинциалов: открылись шлюзы, то, что было запрещено, вывалилось читателю на голову. Читалось жадно, много, запоем, это был род интеллектуального опьянения. Когда мы оторвёмся от чтения и придём в себя, тогда обнаружим, что, повторяя слова одной песни, «сытые пи...оры всем завладели – империей банков, газет и больниц». Кого-то вертящееся колесо фортуны поманило к новым перспективам, кому-то, чтобы не сдохнуть с голоду, приходилось крутиться самому. Терялись из виду близкие, старые друзья. Кого-то забрасывало на другой конец Земли, кто-то умер от передоза, кого-то, отжимая хату, убивали в соседнем подъезде и ты узнавал об этом лишь случайно годы спустя.

Петр Степанович выбирался к знакомым со своего «Киркомбината» всё реже и реже. А однажды и вовсе появляться перестал.

Смерть следит, а смертный следует

Жизнью жизнь из сердца выдует

У людей дурак заведует,

А глупец ему завидует.

Успокойся же, ослабленный,

Всеми добрыми озлобленный,

Всеми честными ограбленный,

Всеми близкими угробленный.

Все дороги, все явления

В стройной смуте мироздания –

Бессердечное прощание,

Неразлучное прощание.

Пять лет назад некто, так и оставшийся неизвестным и не отвечающий на электронные письма, выложил в конце января в интернет подборку стихов Петра Александрова. Петра Александровича, сомнений нет, – пять текстов, с разночтениями, совпали с теми, что передал Олег Дальнов. Но было ещё

шестьдесят четыре (!), написанных за одиннадцать лет, с 1947-го по 1958-й. Короткое предисловие к стихам я здесь процитирую полностью.

«Приветствую всех любителей стихов! Меня зовут не Пётр Александров. Но ко мне попали перепечатанные вручную стихи оренбургского поэта Петра Александрова, датируемые 40ми-50ми гг прошлого века. Ничего не зная о его творческой судьбе, я всё же взял на себя смелость, разместив здесь его произведения, чтобы они дошли до читателя.

Лучше поздно, чем никогда...»

Об оренбургской странице в биографии поэта никаких сведений у меня нет. Выскажу предположение, что стихи привёз в Оренбург неизвестный нам знакомый Петра Александрова. Однокурсник, коллега по аспирантуре – да мало ли кто. Судя по тому, что подборка заканчивается стихами 1958-го года и более поздних стихов в ней нет, тогда же, в 50-х, общение между ними завершилось.

А в субботу вечером 30 августа прошлого года очередной некто вновь начал неторопливо выкладывать стихи Петра Степановича. Почему очередной, а не тот же самый? Потому что часть из выложенных стихотворений идентична стихам предыдущей публикации, но появились опечатки, неверно расставленные знаки пунктуации и т. п., ранее отсутствовавшие. Значит, это не электронные копии, а независимо набранные тексты.

Хронология события. В августовскую субботу появилось два первых текста. В воскресенье 7-го сентября ближе к вечеру ещё четыре (пять, если быть строгим, в одном, видимо, объединено два стихотворения). Два в среду 24 сентября глубокой ночью и, после длительной паузы, воскресным вечером 2 августа уже этого года размещён последний на сегодняшний день текст.

(В это время я уже работал над статьёй, меня будто обожгло и подкинуло на стуле. - Отзовись! Отзовись же! – воскликнул я, отсылая электронное письмо).

Из десяти (два, напоминая, объединены) стихотворений половина имеет аналоги в предыдущей подборке, но половина уникальных! О чём свидетельствуют опечатки? О слабом зрении, дрожащих руках, торопливости, небрежности, неопытности, нетвёрдой грамотности – о чём угодно. Самый же интригующий вопрос – кто? Дочь? Ученик? Случайный обладатель части наследия поэта?

Или сам Учитель, почти девяностолетний, не растворился среди самарских курмышей, а жив, жив, жив? Дрожащие руки седого старца ложатся на клавиатуру, и кто-то, далёкий, незнакомый, вчитывающийся в его стихи изо

дня в день, уже увидел, что в последнем стихотворении недопечатано восемь последних строк

Путь одиночек – непутёвый путь,
И в их гордыне очень мало гордости,
Но ты с людьми самим собою будь,
Затем, что мягкость не лишает твёрдости.

Умей при боли воли не терять,
Умей в утратах не утратить мужества,
Душить беду и радостью дышать
И ужасы умей встречать без ужаса.

П.С.

Благодарю: Татьяну Зорю за воспоминания, Игоря Пудикова за драгоценную папку со стихами и двух (?) интернет-незнакомцев.

Памяти Сергея Побёрзкина, познакомившего меня со стихами Учителя, Михаила Авдеева, назвавшего мне его имя и Олега Дальнова, покинувшего этот мир почти сразу после того, как имя было подтверждено.

Георгий Квантришвили

Петр Александров

+ + +

Когда человек начинает слабеть,
Он истину видит ненужную людям,
Не верит он больше законам и судьям,
Бродяг и пьянчуг начинает жалеть.
 Любовь и друзей заменяет вино.
 Становится горестно ясным, что то, что
 Правдиво и ясно, светло и не пошло,
 Опошлиться или погибнуть должно.
Когда человек начинает слабеть,
Душа у него устаёт лицемерить,
И перестаёт ему общество верить,
И он попадает в смертельную сеть.

1965 г.

+ + +

За то, что карманы пустые,
За то, что их сор наводняет,
Меня упрекают родные,
Приятель меня упрекает.

На это не надо ответа.
Я жизнью своей отвечаю,
Что людям сияние света
Важнее свинины и чая.

Пускай упрекают невежды,
Не слушаю тёмного шума.
Надежда теплее одежды
И думы дороже костюма.

1956 г.

+ + +

Человек – несчастное создание,
Потому что у него сознание.

1957г.

+ + +

И смерти нет, и всё в мире сущее
Лишь сон во сне, что опять во сне лишь.
С небытием бытие бегущее
Одно и то же, их не разделишь.

Душа понявшая и беспечная
Смеётся обликам, смеётся теням.
Природа – лестница бесконечная,
И вверх и вниз нет числа ступеням.

И я спокойно терплю волнение,
Любовь и боль на моей ступени,
Поняв, что гибель – переселение
Не в смерть из жизни, а в тень из тени.

1954 г.

+ + +

На месте густых ветвей
Высотных домов камыш.
Явлениями вещей
Поэта не убедишь.

С любимой бывали мы
У выемки, что в стене,
В волнах золотой луны
И в гуще ночных теней.

Но та снесена стена,
Другая возведена
На месте, где мы с тобой
Одни были. Что с того?

Как славы тупой гранит
Так раб её кирпичом
Поэта не убедит
Нигде никогда ни в чём.

Явление – призрак, и
Все вещи в небытии.

16 июля 1968г.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Когда-то истина в меня попала
Как пуля. Рана после зажила,
Но истина в крыле души застряла
Болезненен и труден взмах крыла.
И не поспеть ему во взмахах слабых,
За тем, другим, нераненым крылом:
Моя душа летит, но как-то набок
Она в полёте клонится своим.
Кто знает истину – тому скрываться
И отставать от прочих на земле,
И в небеса высоко не подняться
С свинцовым грузом истины в крыле.

+ + +

К чёрту идеалы –
Это ахинея.
Спорт и одеяла
Нам куда нужнее.
Не томов – томатов
Массам миллионным!
Сократить Сократов,
Не платить Платонам.
Аристотель будет
Нами арестован,
Если позабудет
Мыслить по «Основам».
Массы просят мессы
И, притом, научной.
Им не надо беса
Истины прескучной,
Что бездонно небо,
Что душа бездонна,
Что источник хлеба –
Солнечные звоны.
Массы просят мяса,
Масла, а не мысли.
Голодают массы –
Мысли в них повисли.
Нам нужны и книги,
Но какие книги?
Книги не пустые,
Нужные, простые:

Крой, писатель, смело,
Действуй для Союза.
Навали в новеллы
Больше кукурузы.

1956

+ + +

Врага и друга понимая,
Я слаб, я жалок оттого,
Я никого не уважаю,
Не презираю никого.
И жаль мне гениев безвестных,
И жаль известных червяков,
Людей счастливых, умных, честных,
Несчастливых, подлых, дураков.
Пророк не бога провозвестник,
А рока мёртвый проводник,
И слышен плач в хороших песнях,
И век – лишь миг, и шёпот – крик.
Умеют к лучшему стремиться
И лучшие хватать куски
Религиозные тупицы,
Атеистичные пеньки.
У тех и у других не стёрта
Меж добрым и дурным черта,
А у меня богов до чёрта,
Да только веры ни черта.
Я не язычник (нервов много),
Не атеист и не монах.
Я бог для праха, прах для бога,
А бог мой тоже чей-то прах.
И как же гордости увлечь нас
На умный спор с толпой тупой,
Когда увидим бесконечность
И за собой, и пред собой.

1955

+ + +

В заботах и работах, днём
Себя почти не сознаём;

Едва ж уходит грохот прочь,
Слышна источника струя.
Нисходит мир, темнеет ночь —
На свет выходит наше я.

Оно загадочно для нас
И много больше нас оно.
Небесный свод в озёрах глаз,
Всё, что в душе отражено, —

Частица я. Оно над ним,
Оно взлетает над собой
И лик его неуловим,
Как суть вселенной — дух живой.

1966 г. дек.

+ + +

Не пророчествуй! Не ново,
Что неправый миром правит.
Прав лишат за это слово,
Словят, свалят и ославят
 Сумасшедшим, и озlobят,
 И ослабят, и ограбят,
 И рехнуться впрямь заставят.
 И, в конце концов, угробят.

67 г.

+ + +

Ничтожный сгусток сна и дыма,
Я счастлив тем, что я возник,
Что я смотрел в глаза любимой,
И вечность отражалась в них.

Видение среди видений,
Я рад минутной вспышке дня
И трепету лучей и теней,
Переполняющих меня.

Плывут прекрасные до дрожи
Светящиеся облака,

И кажется, что небо тоже
Течёт, как тихая река.

Всё это призрак, всё проходит
Течёт, бежит, летит простор,
И я, как всё и вся в природе,
Лишь пара тающий узор.

В слезах, с глубокою улыбкой
В несчастье утешаюсь я,
Себя увидя каплей зыбкой
Колдующего бытия

1 декабря 1963 года

+ + +

Чёрный снег языческого марта,
Южный ветер пьяный и сырой.
Получил неоценимый дар ты,
Что ни делай, всё равно он твой:

Это воздух, это дня святого
Весь простор, волшебный и цветной
Музыка без звука и без слова
В изначальной бездне над тобой.

1967

Моя Маршрутка №310

(итоги конкурса)

Редакция альманаха «Графит» в течение 5 месяцев 2015 года проводила конкурс городского стихотворения «Моя маршрутка №310». Нужно было прислать текст, связанный с объектами Тольятти. В жюри входили А.Александров (Саратов), К.Латыфич (Самара), С.Сумин (Тольятти). Именно они и определили победителей, отобрав 10 лучших стихотворений. Всего на конкурс было заявлено 29 текстов, 15 авторов приняли участие в конкурсе. Благодарим всех участников и членов жюри!!

Редколлегия альманаха «Графит»

Елена Шустрова

Церкви Успения Пресвятой богородицы в Портпоселке.

Я помню медь, дрожащую от звона,
И голос не смолкает ни на миг,
Удары принимаются безбольно.
Но разве нас тянули за язык
как колокол? А мы проговорились
И, озираясь, крестимся тайком
на облаков чернеющую сырость,
на прошлогодний снег под каблуком.
Еще удар перед ударом сердца.
Последний звук вращается в тишину...
Приятно, без причин впадая в детство,
почувствовать любовь, а не вину,
молчать и наблюдать движение хвои,
живые корни под землей живой...

Движенье жизни растянулось вдвое,
Но я уже укрыта с головой
Густым покровом городского дыма.
Я не войду дары твои принять.
Звони, когда я проезжаю мимо.
Звони, я постараюсь написать.

Галина Булатова

Улица Комзина в Тольятти
В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефе,
Иван Васильевич Комзин
Увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне —
Масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон,
Но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон
Пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
Красавец стати двухметровой —
От восхищенья Кать и Зин
Светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин
Громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим

Дались ему совсем непросто.
Великий кормчий вёл вперёд,
Не ослабляя портупей:
«Имей в виду, что Запад ждёт
Провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена
И строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина
Рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
Ему служили все законы,
И генеральские погоны
Честней не видывали плеч.

В науке строить нет чудес,
Она умеет много гитик...
Гудят турбины Волжской ГЭС,
Ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь,
Но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь
Награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны
Стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены,
Считай, полсотни строек века.
Закон суров – оправдан риск:
Не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск

Будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб
В предвосхищении успеха,
И не случилось без него б
Тольяттинского политеха.
Труду – учение не вздор,
А суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо
Для инженерного потомства.
Провидец, сеятель добра,
Ведь дотянулись эти руки
До биостанции – ядра
Экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
Как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любищев читал,
И здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин,
Летящих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин
О чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём,
Когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём
Неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел,
Когда, показывая норы,

Он над собою не терпел
Партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
Переволокская мечта...

26 – 29 января 2015, Тольятти

На триста десятом – в Зелёную зону...

На триста десятом – в Зелёную зону,
Где бродят стадами дубы, как бизоны,
И где от рождения сосны-сестрицы
По русским шелкам вышивать мастерицы,
Где тычется мордочкой рыжий осинник
В лазурное блюдо с каёмочкой синей,
И, глядя за Волгу на многие тыщи,
Всегда на коне неуёмный Татищев.

Не здесь ли, в скрижалях зелёного шара,
За землю сшибались до неба пожары?
И ахали сосны, хватаясь за выи,
И с рёвом валились дубы вековые,
И тщетно спасаясь от лапищ пожара,
Босые берёзы бежали, бежали...
Записывал в дебет прожорливый рубль
Дерев и зверья обгоревшие трупы...

На триста десятом – в Зелёную зону...
Кому маловато валюты газона,
Считайте – сухие шевелятся губы –
Кресты из сосны и надгробья из дуба...
Но их, вековые следы пепелища,
Не видит смотрящий за Волгу Татищев.
О, если бы, если б татищевский бог
Тогда обернулся – и нас уберёг...

Пиденко Сергей.

310 маршрут

Сквозь время.

(Наброски к поэме).

Лоскутную ткань пространства,
лоскутное платье жизни,
лоскутную ветошь памяти
сшивает микроавтобус
с коротким названием ЗЛО -
выплеск латинокириллицы,
убогая фишка дизайна.

Маршрут "Речпорт - Р.Борковка"
с проездом по трем районам,
страху на пару часов.
(Ну, "зло" это претенциозно,
вполне рядовая поездка,
есть и длиннее маршруты,
но для городской одиссеи
и этот сойдет вполне.)

Медный обол за поездку.

– Оплачиваем при входе!

– А ты – довези сначала.

РЕЧПОРТ

У летней пустынной эстрады
уныло пасет прохожих

циклоп на подводных крыльях.

Облезлый корпус титана -

памятник дерзкой мысли

и крайне дешевой нефти

(стакан газировки дороже!) -

прикован к бетонным глыбам

в ста метрах от водной шири.

Тантал с Прометеем курят,

нервно бросая окурки

в скудный песок приволжский

забытого Кунеевлага,

впитавший едкую соль

обитателей серых бараков,

что сотворили море,

не признавая чуда

(чудо не пахнет потом,

и не сочится кровью).

Чудо ли, что песчаник

пророс лозой магистралей

с гроздьями многоэтажек,

где хмелем кружила головы

молодость и надежда

на близость земного рая

в городе счастья и света.

Где ныне, спустя полвека,

над центром - нет! - храмом торговли

гордо горит - "Комсомолец".

Вино вырождается в уксус.

Что грустно и для непьющих.

Но - радует домохозяек.

- Дяденька, можно бесплатно?

- Э, мальчик, пешком доедешь.

ПАМЯТНИК ТАТИЩЕВУ (ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА)

Скачет за Волгу Татищев
(не Анне же памятник ставить?!),
оставив на долгую память
России - тщедушную крепость
с гордым названьем СтаврОполь,
приют крещёных калмыков,
а ныне мирных таджиков,
водителей утлых газелей,
харонов асфальтовых стиксов.

Скачет палач и историк,
сановник и градостроитель
на бронзовом жеребце
(хотя по жизни обычно
предпочитал кобыл),
скульптор не даром старался,
чтоб распаленным невестам
было что драить до блеска,
мечтая в страсти сравняться
с державной Екатериной,
дела которой им пофиг,

но тема — где, с кем и сколько.

— А чо никуда не катим?

— А пробка по всей "зеленке".

Есть время, плавясь от зноя,
смотреть, как идут другие
тропой на "Пляж итальянский"
(такого не сыщешь в Италии,
ну, правда, шезлонги и пиво!).

И - по зеленой зоне -
слышите музыку слова?
ЗОНА-ЗЕЛЕНАЯ-ОТДЫХА,
ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ,
словарь военно-тюремный,
с пеленок родной и привычный.
Как стал родным и привычным
сгоревший и разоренный
лес двухсотлетних сосен,
наглядное руководство,
как без труда и натуги
устроить роскошное шоу,
и за два дня уничтожить
то, что растилось веками.

ПРОСПЕКТ СТЕПАНА РАЗИНА

А мы в Автоград въезжаем -

город широких проспектов
и жмущих в плечах коридоров.

Город, где каждый камень -
в память штурмующих небо
пламенных коммунаров,
палачей и бандитов.

Улица славного Фрунзе -
привет юнкерам из Крыма!

Улица Яши Свердлова -
горячий привет казакам!

Поворот на Дзержинского -
привет шпане и эсерам.

И от Дворца для Творчества
с фаллосом астрономическим
(так что без слов понятно,
в чем этот творческий пыл)
до ледовой "Арены"

и Транспортного Управления,
до службы миграционной
на Южном, понятно, шоссе
катится неудержимо
(так в Трою катились греки)
вал кораблей колесных
проспектом Степана Разина -
девчонкам особый привет!

А наш дребезжащий кораблик,
качаясь на вечных ухабах,
стремится к скалам Итаки,

к улицам Русской Борковки,
где также живут татары,
но русские не в обиде,
как и сама Борковка.

- Сдачу дашь с тетрадрахмы?
- А мельче купюры нету?

И - маяком для заблудших,
призраком возвращенья,
фата-морганой промзоны -
вокзал свой единственный поезд
с ладони перрона роняет.

И - лязгая и завывая -
тот катится мимо Речпорта
в степные заволжские дали...

Александр Лизнев

Жизнь - театр, а мы - актёры,
Хоть картонные мечи.
Сами судьи, сами воры,
А порою, палачи.

И бывает, мы не слышим,
Даже эхо в пустоте...
Но, зато красиво пишем
Свежей кровью на холсте.

Не исчез наш старый дворик,
Будоражит, как вино.
Только Гамлет, как и Йорик
Не поймут нас. Не дано.

Роли сыграны отлично,
Всем напАстям вопреки.
Лишь немного непривычно,
Что разлука без тоски.

Так куда же ты, дорОга?
Почему такая прыть?
Не беги, побойся Бога!
Дай немного здесь побыть...

Семен Краснов

Луна. Мартини. «Итальянский» пляж.
Совсем чужая женщина-подросток.
В полоску гетры. Пообщались просто.
Лиловый свет. Сиреневый пейзаж.

«Я влюблена в другого». Может быть.
Колючих губ секундное движение.
Холодных рук шершавое скольжение.
Глоток вина. Желание курить.

Осенний вечер. Тёмно-синий лес.
Что делает душа – угодно Богу?
Спокойный сон в короткую дорогу.
Свет фонарей. Багряных улиц блеск.

Евгений Подгорный.

Комса. Остановка Речной вокзал.

Гуляли медленно и открывали город
А он еще не стар, а он почти что молод
Здесь набережная, свет реки, речной вокзал
Я что-то здесь навеки потерял
И плыли вниз асфальтовые реки
Путь пробивая от варягов в греки
Я весь промок, пересекая их
Но не хотел бы прелестей иных
Мой город пеплом занесен на треть
Но здесь не страшно, в общем, умереть
Кругом весна – смешной водоворот
Тольяттинской пустыни легкий гнет.

Вячеслав Чендырев

Маршрут 310

На 310-ый, кто сядет маршрут,
Узрит город наш не по карте:
Есть памятник главный Татищеву тут,
Кто в будущем видел Тольятти –
У Волги, в лесной благодати.

У стелы проедем, где встал Ушаков –
Морской адмирал, именитый!
И всякий, в ком русский характер, таков –
В нём подвиг живёт незабытый,
Он светит улыбкой открытой.

"Музей краеведческий скоро?" – спроси.

Подскажет, что нужно, водитель.
Как раньше водилось у нас на Руси –
Был добрым почти каждый житель,
Всё видел Господь Вседержитель!

Проедем туда, где стоит АвтоВАЗ,
Завод, что построили скоро.
"Копейкой-фиатом" прославил он нас!
И "правнуки" – "гранты", "приоры" –
Творит и живёт славный город!

Поедем дорогой родных "жигулей"
По быстро бегущим минутам,
А с песней нам "строить и жить веселей",
Особенно солнечным утром!
Мы едем, мы едем, мы едем –
все - 310-ым маршрутом

Осипова Тамара Ивановна
Скорбящий ангел
(остановка «Горсад»)

Ангел скорбящий склонился
Низко над черной плитою
Траурный ропот разлился
Над обнищавшей страною
Ты прилетел, не сломился
Твой погребальный покров
Крыльями, взмахом открылся

Скорбью тех страшных годов
Звон похоронный расплылся
Над лагерями, скорбя
Нет, акафист не случился
Не защитил вас, любя
Вы в кандалах стопудовых
Штольнями к тундре прошли
Вместе с голодной нуждою
Веру с собой пронесли.
Звоном кандалным запела
Многострадальная мать
Чтобы другим поколениям
Веру твою передать!!

Нина Рябинина

Мой край

Ширь морская с чайкою парящей,
Лёгкий парус по воде скользящий,
Гладь воды, простор необозримый –
Это край мой, город мой любимый.

Зона отдыха, затянутая дымкой,
Моря берег, пенной кромкой зыбкой,
Обнимает остров Муравьиный –
Это край мой, край родной, любимый.

Лодки рыбаков на горизонте,
В волнах пламень на закатном солнце,
Искры волн целуются игриво –
Это край мой, город мой любимый.

25 лет в жизни Тольятти

(Итоги конкурса)

Редакция газеты «Площадь СВОБОДЫ» совместно с литературным альманахом «Графит» провели конкурс эссе «25 лет в жизни Тольятти». Акция была приурочена к 25-летию газеты «Площадь СВОБОДЫ», а также к изданию «Антологии независимой тольяттинской литературы» за период с 1990 по 2014 гг. Работы оценивали члены редколлегии газеты и альманаха «Графит». Лучшие пять эссе опубликованы в газете «Площадь СВОБОДЫ», а три самых лучших текста – перед Вами!!

Ветер, голос города

В нашей семье все сложилось не как у людей – впрочем, не более странно, чем у всех в нашей большой стране, кто думал, чувствовал и при этом пытался жить. Мой отец родился, когда деду было под пятьдесят, а я появилась у своего отца на шестом десятке; оттого столетие не потеряло свежести и не показалось длинным.

Профессиональных журналистов среди нас не было, но мой революционно настроенный и посещавший марксистский кружок дед Андрей Андреевич Смирнов в 1907-1910 годы имел отношение к созданию выходившим в Самаре газетам «Прибой» и «Заря Поволжья», публиковался в них. Критика властей закончилась для деда ссылкой в Ставрополь, - мерой мягкой на фоне последовавшего вскоре и на фоне судеб здешних журналистов 90-х. Отец мой, Евгений Андреевич Смирнов, не полностью закончивший журфак в Казани, инженер в Гражданпроекте, а потом в горном отделе ПК ВНИИнеруда, так же участвовал в создании тольяттинской газеты «За коммунизм», а затем более двадцати лет подряд писал заметки в газету и дежурил в приемной редакции. Прошедший три войны, помотавшийся по свету, покинувший Ставрополь в 9 лет и вернувшийся в него после пятидесяти, отец трепетно относился к городу - он привез мою маму в новый Ставрополь из Москвы перед моим рождением, чтобы я родилась здесь.

Отделить последние 25 лет от 25 перед ними практически невозможно. Площадь Свободы - участок, где начали застраивать новый Ставрополь. Площадь стала центром звезды, от которого лучами разошелся город. Кажется, первоначально она должна была носить имя Пушкина, но стала площадью Свободы. Мы жили рядом, на улице Карла Маркса. «Пошли на площадь Свободы!» - произносилось бессознательно, но вряд ли прошло бесследно. «Площадью Свободы» назвалась первая независимая газета города, появившаяся после «За коммунизм». Часть редакции перешла в «Тольятти сегодня» и будто бы именно «Тольятти сегодня» стала

приемником первой городской газеты. Отец предпочитал «Площадь Свободы». В родительском доме под стеклом хранилась программа-вырезка из первого номера: «говорить только правду, не подстраиваться под...». «Площадь Свободы» почти сразу стала одним из самых крупных подписных изданий не только в области - ее выписывала библиотека Конгресса США, и, возможно, где-то в Америке, вместе с Тольятти 90-х, еще хранятся очерки, подписанные моим отцом. Папа и сам примерно с 1966 года собирал вырезки газеты «За коммунизм», искренне полагая, что архивирует бесценную летопись города-сада. Из нескольких мешков архивов сохранилась небольшая папка.

Когда я выросла, много говорили о журналистике и литературе. Литература виделась вечной, газета временной, тем, что живо самое большее день, а потом пригодно только на обертку. Было жаль времени и таланта отца. А он цитировал Илью Эренбурга: когда очевидцы молчат, рождаются легенды; литература немыслима без суеты газетного жанра: настоящие писатели всегда стремились выразить не себя, а через себя мысли и чувства современников. Говорил: газета – это ветер, голос. Есть то, что должно быть написано или изваяно для веков, и то, что нужно сказать вовремя. Отец застал 1995 год с жестоким избиением редактора «Площадь Свободы» Валерия Шемякина. Через 2 месяца был смертельно ранен редактор «Тольятти сегодня» Андрей Уланов. Папа, тогда уже сам слабый и больной, вернулся с похорон с лицом, залитым слезами и говорил о справедливости и свободе. До «Города мертвых журналистов», как позднее называли Тольятти в "НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС", он не дожил. Возможно, в последние годы он и сам спрашивал себя о том, чего стоила журналистика в городе будущего – в городе без будущего, как о нем говорили потом. На полях последней рукописи (ни одного художественного рассказа, только газетные заметки), за несколько дней до смерти, наискось – «ухожу навсегда, криком, брошенным ни к кому».

Наш последний спор о литературе и журналистике закончился как-то незавершенно: папа взял с полки своего любимого Эренбурга, прочитал вслух, не объясняя:

Я смутно жил и неуверенно
И говорил я о другом
Но помню я большое дерево
Чернильное на голубом....
И только где-то то же дерево
Еще по-прежнему стоит.

Для меня Тольятти последних 25 лет - узкая полоска среди других городов, избранная часть медицины и литературы, немногие друзья и Волга: родина, в глубинах души отделенная от криминала девяностых, кладбищ с заросшими могилами героев, затерянными среди могил иных авторитетов,

от сгоревшего леса двухтысячных, от многих уехавших отсюда и приехавших сюда.

Но осталась «Площадь Свободы». Перелистывая ее, ощущаю живую мысль и живое чувство, тот самый ветер, и снова появляется чувство гордости за город, вера в человека, надежда на свет. Удачи тебе, городская газета!

Татьяна Смирнова

Мой Тольятти

Тольятти не умеет покорять сразу и навсегда. Едешь от Самары – тянутся бесконечные заправки, придорожные кафешки, фуры, унылые промзоны. Прибываешь от Сызрани: взгляд зажат холмами, а когда пространство распахивается на плотине – видишь не город - кубики по берегу, а водный простор, острова и бухточки. Дыхание перехватывает и

щекотно в животе, будто взлетаешь. Я не часто въезжаю отсюда и ощущение взлета переживаю каждый раз заново. Только однажды,

возвращаясь после многолетнего отсутствия, увидел что въезд на плотину перекрыт блок-постом с грузным бэтээром, развернувшим пулемет навстречу потоку машин, и угрюмыми милиционерами в бронежилетах и с

«калашами» на груди, и в подступившей тревоге было не до любования просторами окрест. Ощущение невидимой нависшей беды долго не

оставляло, размышаясь ветрами в широких проспектах и мучительно усиливаясь в узких коридорах чиновных служб, где я бывал.

Тольятти переживал не лучшие времена (потом я понял, что «не лучшие времена» обычное для него состояние).

Я иногда гулял по забытым улицам. Друзья остались далеко, в других местах и временах, и город казался чужим.

...У маленького художественного салона прямо на ступеньках сидели две девушки и пели незнакомые песни (оказалось, собственные). Кто-то из прохожих останавливался, как и я, слушал и – оставался, либо шел дальше. Подруги договорились с хозяйкой салона и устроили тихий концерт, вполне сочетающийся с тихими картинами. Я внес скромную лепту в их творческий бюджет, посмотрел картины, побеседовал с хозяйкой, и вскоре провел там свой концерт, обретая хороших знакомых и потеряв ощущение чужого города.

У меня появились идеи и друзья, которым нравились эти идеи. Я сначала стучался в двери кабинетов, рассчитывая на поддержку. Убедился,

что включить наши наработки в свои отчеты чиновник не прочь, а содействие... Спасибо, денег не требовали. Хотя иногда требовали. Государственный человек – он же на посту. Он же не зря тут.

И действительно. То один осчастливит культурологическими изысканиями, вещая, что деревенская-де культура отличается от городской

пристрастием к семечкам, то другой разъясняет, мол, сносимая водонапорная башня исторической ценности не представляет, поскольку ей 50 лет, а не 200.

Невдомек ему, что для появления в городе двухсотлетних зданий надо не сносить 50-летние. Теперь вот музей «Наследие» «оптимизируют»...

Культурологи.

– Бабушка, а кто это Степан Разин?

Троллейбус ползет по проспекту, длинному, как песня об удалом

атамане и народном мстителе, и девчушка с шилом под сарафанчиком елозит на коленях у бабушки. Та украдкой осматривается и, убедившись, что аудитория не ограничивается пытливой внучкой, выразительным голосом

заботливой наставницы декламирует эпитеты – разумеется, «борец за народное счастье», «защитник бедняков», и...

– Бандит он был, – не выдержал я пафосного треска, – грабитель и убийца.

Ребенок живо оторвался от пейзажа за окном, а всполошенная

сказительница, пропустив пару тактов, сорвалась на дискант:

– Никого он не убивал! Разин о простых людях заботился...

– А девушку молоденькую кто утопил? – смеюсь я. – Обещал жениться, а сам...

– Так она княжна была, – железобетонный аргумент!

Девочка смотрит на нас, как на игроков в пинг-понг.

– Понимаешь, – говорю я ей, – княжна – это принцесса. Злой мужик силой забрал принцессу от мамы с папой, наобещал с три короба, а она-то принца ждала, а потом утопил в реке, испугался, что друзья-бандиты

засмеют.

– Дядя в школе плохо учился! – спасает ситуацию бабушка. – Ничего не знает, и ему двойки ставили! Дядя-двоечник!

Девчушка с пониманием кивает и отворачивается к окну.

Что делать, в моем городе уважают бандитов и с сомнением относятся к подвижникам: наверняка прикидываются, что бескорыстны. Разин-то, борец и защитник, а кладов по Жигулям попрыгал – эх!– немеряно. И ходят по берегам и пляжам суровые парни с миноискателями, методично прощупывая метр за метром. Но так же регулярно ходит по берегу в Портпоселке семья знакомых художников, убирая мусор, в одиночку противостоит энтропии. И устраивает выставки, музыкальные вечера и фестивали в обветшалом бараке, который все норовит отжать чиновная братия.

И пишут песни два замечательных рок-музыканта, с одним я дружен давно, с другим познакомился месяц назад. Они недолголюбивают друг друга, но порознь восполняют в моем городе нехватку песен, за которые не стыдно.

И выпускают литературные журналы два редактора. Один, с трудом выбивая из мэрии скудные средства на бумагу и типографию, второй – вообще за свои нелегко заработанные деньги. И ежегодно фестиваль поэзии проводит, собирая серьезных литераторов Поволжья, Урала и столиц. А еще один поэт вообще не заморачивается: договаривается с библиотекой и проводит двухчасовой фестиваль «Графомания» для всех желающих. Не ищет финансирования, не надувает щеки – просто берет и делает.

Тратят свои скудные средства, не очень долгую жизнь и большое сердце знакомые волонтеры в кошачьих и собачьих приютах, пытаюсь привить моему городу толику милосердия, сделать его чуточку лучше и добрее. Эти люди, как в шахматных этюдах, начинают и выигрывают. Чаще проигрывают. Переживают поражение. А потом снова – начинают и...

Я слышу от местных и приезжих, чиновников и обывателей, деятелей и созерцателей: город без истории, культуры, души, да в асфальт его закатать, да...

Я не спорю. Не пытаюсь объяснять, что Тольятти – пространство, которое надо заполнять мыслями, творчеством, действиями. Я говорю другим, не равнодушным, способным слышать, видеть, думать и сопереживать: мой город любят, подчас трудной, мучительной любовью те,

кто вкладывает в него душу, кто не ждет от него денег, привилегий и почестей, кто делает то малое, из чего складывается настоящее большое.

Кто, называя его Ставрополем ли, Тольятти, говорит... да просто чувствует – мой город.

Сергей Пиденко

Когда театр становится судьбой

В народе говорят: где родился, там и сгодился. И если вам не нравится город, в котором вы живете, значит, стоит задуматься о том, что вы сделали для своего города.

Татьяна Тимонина – выпускница Высшего театрального училища имени Б.В.Щукина, вернулась в родной город Тольятти и создала здесь свое детище - театр «Секрет». Это было на заре пресловутой перестройки, когда люди «выживали», с трудом приспосабливались к новой действительности, и кто, если не театр, согревал людские сердца? Театр обращается к душе зрителя, будит ее и одаривает надеждой. На что? На то, что боль человеческого сердца будет услышана другими людьми. Это ли не важно? Режиссер Татьяна Тимонина создавала Энергетический театр, когда зритель не просто находится в непосредственной близости от сцены, а чувствует энергетику актеров, не просто сопереживает героям, а соотносит их чувства со своими. В моду тогда входила новая драма, чернуха привлекала зрителя, но «Секрет» не стремился эпатировать, обращался к классике, разговаривал со зрителем на языке сердца. Любимыми драматургами театра стали Н.В.Гоголь и А.П.Чехов. Спектакли «О любви», «Ведьма», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Женитьба», «Ах, Чичиков!» любимы зрителем и сегодня.

«Обломов - он или off?» по пьесе Михаила Угарова – это доверительный разговор со зрителем на самую животрепещущую, пожалуй, сейчас тему «выживаемости». Если когда-то родители за лень называли нас Илюшенькой Обломовым, то сейчас мы сами изо всех сил стремимся убежать от Обломова в себе... Бежим из родного города в Москву и даже Америку - в провинции остаются только ленивые. Открываем магазины, покупаем и продаем, работаем на двух и трех работах – и не видимся с друзьями, не успеваем пообщаться с детьми... Это время шустрых. И если вдруг ощущаем смутное недовольство собой, какое-то непонятное беспокойство, забежим в церковь, поставим свечку за здоровье, а может быть, отмахнемся... Нам некогда, мы не живем, а выживаем. Уже давно не принято спрашивать друг друга: «Что ты

сейчас читаешь?» Существительное «встреча» сегодня соотносят с эпитетом «деловая». ... Но придя в театр, зрители вдруг узнают себя не в Штольце, на которого так стремятся быть похожими, а в Илье Ильиче Обломове. Им хочется, чтобы их воспринимали не как винтики в чьем-то слаженном механизме, а спросили, завтракал ли он сегодня и как он себя чувствует. Зрители приходят в театр, чтобы поговорить с собой. Многие ли из нас сегодня ведут дневник? Да разве есть у кого-то для этого время? Да разве решится кто-то прикоснуться к своей душе... А театр – прикасается. Зрители выходят из театра и плачут, и не стесняются этого.

В театре «Секрет» есть удивительный спектакль «Яблочный спас» по пьесе Алексея Праслова, который идет в саду музея «Наследие». Герои этого спектакля говорят на языке любви. Это важно, когда герои спектакля о войне говорят на языке любви и надежды, поэтому зрители их слышат, в том числе молодежь и подростки, «проживают» их историю, как свою. Наши деды и прадеды становятся ближе и понятнее нам, мы – не другие, мы такие же, как они, и слово «родина» перестает быть абстрактным, родина – это мать и отец, бабушка и дедушка, это твоя семья и могилы твоих прадедов.

Театр играл и для зарубежного зрителя и убедился, что язык театра понятен всем. Спектакль «Оркестр» по пьесе Ж.Ануя был представлен секретовцами на Международном Авиньонском театральном фестивале (Франция), «Эдит Пиаф» по мотивам пьесы В.Легентова – в Вильнюсе, и получил зрительское признание и заслуженные награды. И когда встречаешь в прессе рассуждения о том, что театр умирает и долго ли еще ему осталось, хочется сказать, что именно театр способствует взаимопониманию народов в такое непростое время. И сейчас, когда все жалуется на кризис, секретовцы приняли приглашение на Международный театральный фестиваль в Чехии – со спектаклем «Эдит Пиаф». Это важно для театра, для города и для страны - и для мира во всем мире. Россия жива, и театр жив, и в городе Тольятти создает свой удивительный мир доброты и любви театр «Секрет», и стучится в людские сердца, и они откликаются...

Татьяна Тимонина воспитала замечательную плеяду актеров, чьей судьбой стал театр «Секрет». Это Ольга Антипова и Сергей Федорчук, Елена Телегина и Юрий Мацкевич, Вероника Чашина и Сергей Якимович, Александр и Марина Мироновы, Андрей и Любовь Хоруженко, и Вера Перцова. Театр – синтез всех искусств, поэтому в спектаклях Т.Тимониной звучит живая музыка и живой вокал, используются необычные декорации (например, во время действия художник рисует песком), раскрытию замысла режиссера помогает и яркая, самобытная, свойственная только «Секрету», хореография. Хореографы Елена Лябипова и Валерий Железников, художник

Марина Шилехина, вокалист Наталья Степина тоже крепко связали свою жизнь с «Секретом» и способствовали созданию таких замечательных спектаклей, как «Сациви из старого петуха», «Эдит Пиаф», «Черубина» и многие другие. Каждый год театр набирает молодежную студию, ставит новые спектакли, их в репертуаре уже более тридцати, и встречает своего зрителя... Театр «Секрет» жив и творит в своем родном и любимом городе, и это счастье.

Наталья Толстунова

Дмитрий Перегудов

Дети доктора Франкенштейна

Тайна жизни всегда завораживала человечество. Но еще более будоражила умы возможность создавать жизнь – выполнить смертному ту задачу, которая всегда была прерогативой богов.

Вот и существуют легенды о големах, о создаваемых алхимиками гомункулусах (средневековых андроидах).

Из мифов идея об искусственном создании жизни неизбежно проникла и в литературу. Знаковым можно назвать роман Мэри Шелли “Франкенштейн, или современный Прометей”. Даже те, кто его не читал, скорее всего, знакомы с сюжетом.

Доктор Франкенштейн и его помощник Игорь сшивают вместе куски человеческих трупов и оживляют получившееся существо электричеством.

Получившееся человеческое существо не находит места среди людей и восстает против них, а сам Франкенштейн ужасается своему созданию. Почему? Потому, что “вмешался в божью работу”.

Частое обвинение любой науки, не правда ли? Мы смеем “вмешиваться в промысел божий”. Смеем раскрывать сакральные тайны мироздания и ставить их на службу людям.

Роман Шелли оказал огромное влияние на становление научно-фантастического жанра в литературе, а также готического хоррора. И в дальнейшем, многие авторы возвращались к теме создания учеными новых живых существ или видоизменения существующих.

Еще до появления генетики и открытия ДНК инструментом такого видоизменения была назначена хирургия. Успехи медицины и биологии в этой области конца 19-го века и начала 20-го вдохновляли писателей.

Как пример можно привести роман Герберта Уэллса “Остров доктора Моро”. В нем доктор Моро с помощью вивисекции превращает животных в людей.

А тема хирургической модификации человека была позже затронута Александром Беляевым в романе “Человек-амфибия”.

Правда, в советской н/ф тема “вмешательства науки в таинство жизни” преподносится под совершенно иным углом. Доктор Сальватор, создатель Ихтиандра, защищает свое творение и свою работу на суде перед церковниками.

Между тем, бурно развивающаяся в первой половине 20-го века западная н/ф преподносит все больше примеров страхов перед наукой. Тогда становятся популярными сюжеты о восстании машин, о порожденных безумными экспериментами чудовищах.

Снова и снова, жуткие творения восстают против творцов. Так было и в романе Говарда Лавкрафта “Хребты безумия”, где населявшая миллионы лет назад Антарктиду цивилизация Старцев создала себе слуг – шогготов, искусственную форму жизни. И это кончилось полным уничтожением ими

Старцев.

Лавкрафт оказал огромное влияние на жанр хоррора. И его темы повлияли на литературу, кинематограф и интерактивное искусство.

В фильме Ридли Скотта “Чужой” люди сталкиваются с опасным, сильным и невероятно живучим организмом. И в приквеле к “Чужому”, снятом тем же Скоттом “Прометее” эти существа оказываются творениями древней, давно исчезнувшей цивилизации Инженеров.

Знакомый паттерн, правда? Снова рукотворные монстры. Снова наказание за попытку “стать равными богам”.

Становление современной генетики и открытие ДНК подтолкнули как воображение, так и страхи. Теперь уже генетическая инженерия стала инструментом наследников доктора Франкенштейна.

Наука и научная фантастика всегда влияли друг на друга. Такие концепции как генетические конструирование, клонирование, биомодификации и т.п. нашли свое место как в научных работах, так и на страницах научно-фантастических произведений (не говоря уж о киноэкранах и позже – мониторах компьютеров).

Конечно, изображению искусственных существ как монстров всегда находилась антитеза.

Например, в космической опере Сергея Снегова “Люди как боги” биотехнологиям отводится немалое место.

Общество будущего на Земле активно видоизменяет формы жизни (используя воздействие на ДНК), в том числе и воссоздавая мифических пегасов и драконов. И это преподносится как вполне позитивные научные достижения...

Во второй половине 20-го века появились новые субжанры научной фантастики. К таким жанрам относится биопанк. Произведения этого субжанра рассматривают социальные последствия для человечества широкого внедрения развитых биотехнологий.

К произведениям биопанка можно отнести “Схизматрицу” и другие произведения Брюса Стерлинга. Или “Рибофанк” Пола Ди Филиппо. Или “Заводную” Паоло Бачигалупи. Или же “Next” Майкла Крайтона.

Взаимоотношения между людьми и их живыми творениями (которые в “Рибофанке” зовутся трансгенами) многообразно затрагиваются в биопанке. И часто они не самые радужные...

В мире Пола Ди Филиппо трансгены являются рабами, собственностью хозяев – “натуральных” людей. И многие из них достаточно разумны, чтобы осознавать свое положение. В книге даже действуют члены Фронта освобождения трансгенов.

В произведениях Лоис Макмастер Буджолд, относящихся к “Барраярскому циклу” также фигурируют генетически модифицированные гуманоиды, выведенные корпорациями будущего для выполнения определенных задач. И когда надобность в них отпадает, не имеющим прав человека трансгенам грозит уничтожение.

Человечество за свою историю показало многообразие различных форм

угнетения себе подобных, обосновывая это религией, расой или генетикой. И происхождение из пробирки может стать еще одним обоснованием нового неравенства.

И неизбежного восстания против этого неравенства. Так бунт создания против создателя выходит на иной уровень. И разве этот бунт не оправдан?

Успехи науки всегда вызывали страхи. Каждая новая технология вызывала новый всплеск теорий заговоров – как сейчас ГМО, клонирование человека, генетические модификации и т.п. Раздаются даже призывы запретить или ограничить исследования в области биологии.

Тем не менее, прогресс невозможно повернуть вспять. Настанет время, когда искусственно сконструированные живые существа (некоторые из которых вполне могут быть разумными) будут частью окружающей нас жизни.

Придет время, и реальные дети доктора Франкенштейна откроют глаза и впервые взглянут на мир.

И к чему готовят нас книги, фильмы и компьютерные игры? Заранее к тому, чтобы считать их монстрами или утилитарными органическими машинами?

Дмитрий Перегудов

Сигнал

Это был бритый наголо белый мужчина в клетчатой рубашке и джинсах, худой и поджарый, словно борзая. Выглядел тип довольно опасно.

Я случайно встретил его в баре. Тем вечером в “Наполнитель” забились такая куча народу, что почти все столики оказались заняты. И только одно свободное место – рядом с этим мрачным типом. А я уже взял себе кружку пива.

Делать было нечего. Пришлось устроиться рядом. Лысый хмырь просто сидел перед своей гигантской кружкой и смотрел, как пузырьки в золотистой жидкости поднимаются вверх. А потом он поднял на меня налитые кровью глаза.

- Здорово...

- Привет, - осторожно произнес я.

Голос у хмыря был похмельный.

- У тебя память хорошая, а? – спросил он.

- Вроде не жалуюсь.

Я принялся лихорадочно соображать, где и когда я мог с этим парнем пересечься.

- Везет тебе. А у меня нет. Вот ведь зараза! Есть вещь, которую я не вспомню, даже если моя жизнь будет от этого зависеть.

- Да?

Хмырь кивнул.

- А тут вот какое дело. Будущее человечества зависит от этой херни, которую я не могу вспомнить.

- Да?

Да, мои реплики не отличались оригинальностью.

Я подумал тогда, что имею дело с обыкновенным психом. Лучше всего было быстренько допить пиво и свалить. Но, против воли, во мне просыпался интерес к истории.

- Я много чего пробовал, знаешь ли. Лекарства всякие, то да се. И ничего. Я все помню, кроме одной самой важной гребанной детали. Понимаешь? Нет, разумеется...

- Так вот, слушай. Вот как я дошел до жизни такой...

Незнакомец сделал пару гигантских глотков пива, рыгнул и продолжил рассказ:

- Я в школе считался умным парнем. Мне прочили будущее, но не сложилось... денег не хватило, чтоб продолжить образование. Но я продолжил интересоваться наукой, да и друзья у меня были. В общем, мы делали всякую интересную херь.

- Это... любопытно, - пробормотал я словно на автомате.

Кружка моя осталась нетронутой.

Тип обвел равнодушным взглядом бар и собравшихся в нем людей. Они

его не волновали.

- Была группа – я, Мануэль, Хорхе, Роза. У Мануэля оказались связи с каким-то “Фондом Азен”, который помогал научным проектам. Так что у нас были ресурсы, были возможности... и этим масонам было плевать, у кого какой диплом.

- И чем вы занимались?

- Слыхал о SETI, да? Уравнение Дрейка?

- Поиск внеземных цивилизаций?

- Ага.

- Но ведь из этого ничего не вышло!

- Да. Вся херня! Silentium Universi, мать ее! А что они вообще искали?

Они даже не знали, что надо искать!

Лысый хмырь теперь почти орал. Барменша Мария уже начала поглядывать на наш столик, а я перепугался. Но незнакомец быстро успокоился.

- Да. Радиоволны, блин. Почему еще к нам на Землю инопланетные почтовые голуби не залетают?

- Я такого не помню...

- Искать радиоволны, испускаемые иными цивилизациями – мертвое дело. Ты ведь знаешь, какова скорость их распространения в межзвездном пространстве?

- Нет.

- Меньше скорости света. Мы думали, что нужно искать нечто другое в качестве носителя информации для Послания. Возможно, это излучение, еще неизвестное науке.

Тогда голос незнакомца разительно переменялся. Он стал спокойным, четким, размеренным.

- Как найти то, чего мы не знаем? Где искать? Будь у нас миллион клонированных Эйнштейнов... но нет, таких ресурсов “Фонд Азен” нам не предоставил.

- Зато у нас был радиотелескоп. Старый, правда, но внушительный. Знаешь, такая гигантская тарелка, которые так любят показывать во всяком сай-фае.

- Это было круто! Радиотелескоп только для нашей группы! И мы могли делать с ним, что только захотим! Уж не знаю, как “Фонд” его раздобыл.

- И что вы делали?

- Поначалу мало чего. Разбирались, читали инструкции. И думали о том, что делать дальше. Тогда-то Роза и предложила свою идею. И тут начинается мой провал в памяти. Но точно была какая-то установка, дополнение к телескопу.

Незнакомец с усилием сжал виски руками. Зубы его оскалились. Потом мужчина со вздохом расслабился.

- Нет. Не помню. Какая-то идея пришла в голову Розе, а Хорхе подхватил ее, и мы с Мануэлем помогли...

- Оно заработало. Помню только, что не сразу. Пришлось Мануэлю

попросить помощи у “Фонда” – дополнительные генераторы и еще что-то. А потом заработало...

- Тут уже все нечетко. Наша хрень жрала океан энергии. Долбанная тарелка снаружи раскалилась. Я видел красное свечение. И тогда мы его приняли, этот Сигнал.

Мне показалось, что собеседник уже совершенно не осознает, где находится и с кем говорит.

- Сигнал. Мы не знали, что именно приняли. У физиков сейчас даже нет названия того типа волн, на который он был записан, понимаешь? А мы его поймали и вывели на экран компьютера! И это было изображение! Видеозапись, и мы смогли ее воспроизвести!

- Я видел, там, на экране. Существо. Представляешь, оно было похоже на лошадь... но оно было разумным. Я это понял, даже просто смотря на экран. - И что дальше?

- Мы пялились на существо. А потом установка сначала налилась красным светом и взорвалась. Меня отбросило к стене, я сильно приложился головой и отключился. Вот так. Я очнулся в больнице и узнал, что Мануэль, Хорхе и Роза погибли.

- Так?

- Да, именно так. Их опознали только по зубам. От установки ничего не осталось, телескоп расплавился, даже джунгли рядом с ним загорелись. А я вот уцелел, только обожгло спину. Спасатели меня нашли под завалами. Вот и все...

Какое-то время он молчал. Потом допил пиво несколькими огромными глотками и задумчивым тоном продолжил:

- Удивительно, а? Я так хорошо помню все, что произошло. Помню то существо. Оно просто стояло и смотрело через экран, смотрело прямо на меня.

- Существо походило на лошадь?

- Ага. Четвероногое, с копытами и вытянутой мордой. Шкура была такого странного цвета и покрыта узорами... Я так хорошо помню это... и совсем ничего о том, как мы собрали чертову штуковину... глупо правда? Четыре человека сделали то, что не смогли гигантские научно-исследовательские коллективы...

Незнакомец откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Через какое-то время я услышал его размеренное дыхание.

Так я тогда и не дождался, когда этот тип проснется. Допил пиво и ушел. А ведь я даже имени его не знаю.

Юный журналист : литературный альманах / сост. А. С. Якямсева. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2014 г. – 36 с.

В альманах входит поэзия и проза, авторами которых являются дети, занимавшиеся в детской студии творческого чтения «Юный журналист» города Тольятти. Самому молодому участнику на момент публикации альманаха уже исполнилось 6 лет, а самому взрослому – 15 лет. Некоторые из них успели заявить о себе на конкурсах и фестивалях, к примеру, на Пушкинских чтениях. Автор проекта, Валентина Николаевна Тарасенко, ставит целью развитие творческих способностей детей. Альманах – своего рода сборник «литературных поделок» детей, наполненных их фантазиями, яркими впечатлениями и сказочными героями.

О чём пишут дети? Догадаться не сложно: о природе, о погоде, о животных, о временах года, о звездах, о родственных отношениях, о веселье, о приключениях во сне и наяву. Порой удивляешься с улыбкой, как дети воспринимают простые, казалось бы, вещи. Их взгляд способен оживить все: от снежинки и шляпы, до картины и времени года. Есть в альманахе стихи, продиктованные патриотическими чувствами. Можно встретить даже репортаж о благотворительной миссии рождественской ярмарки. Представленное творчество вобрало в себя традиционные русские ценности и нормы человеческой морали.

Оформление альманаха весьма сдержанное для детской литературы. Иллюстрации в нем отсутствуют. Чувствуется нехватка финансирования. Интересно было бы увидеть еще и детское художественное творчество в придачу. Отличным решением является размещение фотографий участников альманаха на задней обложке. С одной стороны это не так затратно, с другой - можно одним взглядом охватить всех представленных авторов.

Полезность альманаха видится, прежде всего, для самих авторов. Для многих из них это станет подтверждением успешности своих способностей, что придаст уверенности в дальнейшей жизни. А юным читателям это может служить примером для подражания.

«А зеленый листик так затрепетал, что ветру стало щекотно. Ветер захохотал, устал и затих» (Подгорнова Аня)

«Устала осень. Хлопает ресницами! / Она еще не попрощалась с птицами» (Ситухина Аня)

Пираев Филипп. Угол взлёта: Стихотворения / Тех. ред. Эдуард Учаров и Галина Булатова. – Казань, 2015. – 64 с.

Это первая книга автора, но качество стихотворений уже выдает опытного поэта. Филипп Пираев, как профессиональный жонглер, ловко оперирует словами, создавая новые необычные образы, которые завораживают читателя, удерживают его внимание, словно гипнозом. Вот пару примеров, приглянувшихся мне:

«Еще – занятно спрашивать у губ,
смакуя тоник вызревшего лета...»

«...внезапный вечер увязал
в сугробах, выросших меж нами.»

Выразительные средства очень богаты. Чтение стихов Филиппа Пираева как открытие тайны – невозможно предугадать, что последует дальше. Кроме того, автор демонстрирует богатый словарный запас, употребляя иногда довольно редкие выражения.

Оформление хоть и простое, зато не обращает на себя излишнего внимания, не отвлекает от текста. Обложки вполне достаточно, чтобы заинтересовать читателя. Первое стихотворение цикла выбрано удачно. Оно отточенное, ярко и емко выражает идею всего цикла. Я обратил внимание на один любопытный момент. В нем сравнивается написание стихов не только с творением Бога, но и с процессом эволюции, что объединяет идеализм и материализм. Кто знает, может, законы Вселенной и есть законы Бога.

Несмотря на разнообразие стихов как по стилю, так и по содержанию, всех их можно объединить одним общим, но едва уловимым чувством. Это отношение к жизни, полной интересными событиями. Цикл стихов озаглавлен как «Угол взлета», и это довольно символично, наталкивает на устремления автора к росту своего таланта, творческих успехов, среди которых данная книга лишь начало. Остается пожелать приятного «полета» автору и его читателям.

*«Так пишутся стихи, творится Бог, / сжигаются ступени эволюций. / Так –
верится – в определённый срок / удастся нам взлететь... и не вернуться»*

Ильдар Листопадов

Екатеринбург 20:30(Антология современной уральской поэзии) «Первый класс», Санкт-Петербург, 2013 год. 164 с.

Антологиями сейчас никого не удивишь. В современной России их количество уже превысило сотню, если не больше изданий. Особенно на

Урале. Чего только стоят три тома «Современной уральской поэзии» Виталия Кальпиди. Остальные тоже не отстают.

Екатеринбург 20:30 – антология молодых поэтов столицы Урала. В ней 30 авторов с подборками от 4-х до 8 текстов. В принципе, этого оказывается достаточно, чтобы читатель смог составить собственное представление о поэте. Составители сборника постарались представить екатеринбургскую поэзию максимально широко. Тут и модернисты, и сюрреалисты, и концептуалисты, и реалисты.

Обращает на себя внимание качество текстов. Помимо известных людей (Баянгулова, Симонова, Ивкин, Сальников), от которых ждешь высокого уровня стихов, в Антологии достаточно отличных, берущих за живое, молодых поэтов. Лично на меня самое большое впечатление произвели: К.Комаров, Р.Комадей, М.Чешева, Я.Широкова, А.Вавилов. Очень смелые образы, точеные эпитеты, глубокие аллюзии, яркая метафорика.

Понятно, что авторы данной книги еще должны подрасти. 20-летние особенно. Очень интересно, как же будут они писать о своем любимом мегаполисе через 3 года, через 5 лет. В любом случае, попытка внятно и четко маркировать поле современной уральской поэзии должно только приветствоваться.

Дмитрий Воробьев. Зимняя медицина. Издательство «Ариэль» 2015 год, Чебоксары, 68 с.

Стихи Дмитрия Воробьева вырастают из немоты, до-словесной материи, из которой происходят не только стихи, а вообще все на свете. Этот хаос, темная материя, тишь, обладает, как оказывается, огромным потенциалом для произведения из них текстов. Стихи растут медленно, слова рождаются неохотно, будто кто-то медлит и медлит перед рождением. Метафоры? Да нет, их как раз немного, все точно указывает на предметы, на стихии, на мир. Все очень скупо, некрасочно, черно-бело. Да и сами тексты – как маленькие животные. Встречаются стихотворения, в которых 10-15 слов. Всего. И этого хватает.

Паузы в таких текстах повисают, как ветви под липким снегом. Атмосфера зимнего утра, в котором времени достаточно на целый век, а если пытаться определять смысл увиденного – главное ускользнет. Понятно, что оно всегда ускользает. На то оно и главное. Прозрачные вещи, как сказал когда-то Набоков.

У Воробьева есть тяготение к поэтике Айги и Тура Ульвена, авторам, которые как никто другой, умели подмечать немоту, задыхание, тишь, до-

человеческое. Тем не менее, очень многое в «Зимней медицине» указывает на особый авторский стиль, вполне уже сформировавшийся, найденный. Очень хорошая книга.

пусть все будет просто / зима есть зима

«Карамзинский сад» №20, Литературно-художественный альманах. 2011 г. Ульяновск, 192 с.

Юбилейный выпуск альманаха – первый номер вышел в 1991 году. Альманах продолжает выходить, гордо неся знамя провинциальной поэзии. На первых же страницах альманаха – благодарность первому редактору издания – Людмиле Бурлаковой. «Карамзинский сад» всем своим видом и содержанием выражает именно симбирскую провинциальную суть. За 20 лет сформировались оригинальные рубрики, творческие интересы, круг авторов. Меня больше всего заинтересовали краеведческие материалы – статья о роли афоризмов в творчестве Н.Карамзина и публикация поэмы Бориса Бызова «Привет, Америка!», написанной в 1946 году.

Поэтические рубрики: Страна поэзия, Молодые голоса, Свободные стихи. Много в текстах еще наивно, неумело, но есть и интересные находки. В конце номера – интервью с классиком местной литературы Евгением Мельниковым, взятое в далеком 1998 году. По вдумчивым, искренним ответам писателя видно, как он переживал события в стране последних 20-ти лет. Раздражение, боль, гнев, усталость, надежда – все есть в этом интервью.

Завершается альманах рубрикой «Наш «Карамзинский сад», в которой опубликованы письма-поздравления от читателей и коллег. Что ж, можно присоединиться к поздравлениям и пожелать, чтобы хороших нестоличных изданий стало больше.

Только Штольц появился опять/ в Гончаровской беседке../ Страшно мне у обрыва стоять/С валидолом в барсетке.

Сергей Сумин

Фанфора А. Выбирая пути: Стихи. Тольятти, Лит. агентство В.Смирнова. – 2013. – 160 с.

Нередко, листая книги сегодняшних поэтов, пишущих во времена тотальной творческой свободы, ловишь себя на мысли: что за чушь... зачем? что ты хотел сказать, дорогой собрат-поэт? Читая Александра Фанфору, чётко понимаешь, зачем и для чего пишет поэт. Он не прячется за

словесными играми, он предельно насыщен мыслью. Книгу, а это уже четвёртый труд в поэтической биографии автора, вышедшую в 2013-м, не случайно открывают стихи переломного 1991-го: оттуда корни поэта, его боль, его "адвокатская" попытка защитить память о прошлом, его рефлексия: " Когда я ложился с улыбкой, / И спал как убитый, / И был до смешного уверен / В сегодняшнем дне, / В "Паласе" старик доживал, / написавший "Лолиту". / А колокол рвал небеса... / По мне". Я не могу выбраться из 91-го, автор буквально припечатывает сознание к строкам. И что удивительно: голос, звучащий оттуда, так ясно слышен, что, кажется, это о дне сегодняшнем он говорит – говорит мудро и строго: " Там, впереди, мне хватит мук. / Перечеркну, сомну, отмечу. / Диктат вооружённых рук /Пресечь бы. / Нечем... / нечем... / нечем..."

Но Александр Фанфора интересен не только своей гражданской позицией. Он пытливо исследует историю и человеческие души, надевает философские очки, а когда и шутовской колпак. И при всём этом очень гармоничен. Его мир, насыщенный и многогранный, словно бы противопоставлен тому, что он констатирует без ложного пафоса и надрыва: ощущению духовной пустоты и "чувству бездны", "началу нового листа", движению "без руля и без ветрил". Путь самого Александра в этом мире ясен и отчётлив: "Навсегда остаётся одна, и не больше, дорога". Достойное чтиво для мыслящего и сомневающегося читателя.

Если сомнения тянут к барьеру, / Если нелёгок день,

Сердцем смотри на поблекшую веру / В сумерках голых колен.

Галина Булатова

Нина Александрова, "Небесное погребение", стихи. Творческое объединение "Уральский меридиан", 2014 г., 56 с.

Увлекательное путешествие по своему миру проживает лирическая героиня этой книги, строка за строкой прорастая в сознании автора и в восприятии читателя, жизнь которой как кошмарный, разнообразный и – бесконечный сон на пути к смерти. Готические страшные сказки, тибетские легенды, истории алтайских шаманов и кладбищенские истории деревенских жителей, потерявших Бога, – отовсюду берут питательные соки сплетенные замысловатым узлом корни этого сна.

Временами мне казалось, что я читаю переписанный через 100 с лишним лет монолог Нины Заречной. Во всяком случае, рифмовка "Небесного погребения" с той злосчастной пьесой, не затронувшей души досужих зрителей, вполне отчетлива, хотя вряд ли предусматривалась. Да и

могло ли быть иначе, если героиня, возвращаясь в реальность, с тоскливой горечью замечает, как становится необязательным отболевшее, как победительна рутина быта, равнодушного к бытию поэзии, которая "медленно издыхает... [и] ...скопытилась милая".

Пожалуй, гораздо интереснее увидеть жизнь как страшную сказку, где разрешение ото сна еще страшнее затягивающего "холодного липкого страха". Иной читатель, не в книгах и кино прошедший Тезеом мрачные лабиринты мира и победивший своего Минотавра, скажет героине: милая, зачем тебе этот страх перед жизнью, сдобренный бытием страшных сказок, триллеров, ужасных мифов? Отложи книгу, выключи телевизор, выйди на улицу, загляни в лица прохожих, улыбнись своему отражению в их глазах...

Она же смотрит в себя, как в бездну, видимо, еще не пришло время перестать бояться, интереснее "проснуться терновым кустом", надеяться хотя бы на посмертную "порцию нежности", ощутить себя золотым напитком в перегонном кубе. Почему бы и нет, если это позволяет ей "стоять в стихах – как в мятой пахучей траве", когда вокруг даже декабрь – оскаленный. А со своей реальностью она разберется сама.

Ты – нищая и все твои дары / Отчаянье и мерзлое большое

Как небо одиночество, тебе / Совсем не нужно благодати или счастья

Евгений Морозов, "Классический желтый песок". Казань, 2014. 64 с.

На что человеку дан выбор его? И насколько широк и реален этот выбор, если человек из вселенских далей приходит в земной мир, где "в бане и подлости все равны", где "ничего нет страшней обывателя, исповедующего добро" и есть только "жажда просто хотеть и остаться скотом", и только окровавленная плацента хранит следы его "космических лет". Тяжело ступая по зыбкому песку своей повседневной жизни, задумчивый персонаж книги Евгения Морозова всматривается в свою ойкумену и пытается понять себя-настоящего, не забыть себя-прошлого и предугадать пути для себя-будущего. Для этого он и ангела провоцирует на падение, и проверяет свою способность к свободе в райском саду близлежащей психушки, и честно копается в темных подвалах своей личности. Он толкается в людской толпе, удивленно чувствуя в себе потребность "любить это сборище скотского роста", пробует жить на крыше, над миром, где видится, что "люди сверху – маленькие дряни", и учится прощать, "даже если размер груди не позволяет это". Временами кажется, что этот персонаж из тех людей, что "землю ненавидят и любят облака", из тех, кто бережно лелеет свою придуманную или приобретенную усталость от жизни и с брезгливой снисходительностью

смотрит на дела людские, как на возню ребенка с кубиками. Да нет, нет, конечно! Это мучения, метания и прозрения живого человека, не научившегося жить в обиходном расхожем понятии, это рефлексия странника, что "в любой стихии созданный вращаться... выбрал землю", это, быть может, виноватое томление античного стоика, проросшего, как растение, в современность, которому открылось, что все беды мира ничтожны перед "бедой остывания жизни в нём". Иногда этому "созерцателю копошенья" легче закрыть глаза, чтобы тьмой заменить недостижимый космос, стоя на "эшафоте бегущего времени", но твердит он заклинание: "не предавай звезды своей, не изменяйся весь..."

И, ей-богу, мне интересны люди, для которых "бесконечность тесновата, как старенькая детская кровать". Много ли их вокруг?

*Когда с цепей спустивши мысли свору, / коль скоро стать
бесплотным довелось, / ты видишь, вопреки слепому взору, /
безлюдную вселенную насквозь.*

Сергей Пиденко

Данилов И. Птица долгой зимы. Стихотворения, дневники, письма / сост. Э.Учаров и Г.Булатова; ред. и ил. А. Мушинский. – Казань, Татарское книжное издательство, 2015. – 240 с.

Как признаются сами редакторы-составители книги, они собирали её по крупницам в течение 9 месяцев. Литературное наследие забытого поэта-шестидесятника Ивана Данилова пылилось в нескольких сумках и чемоданах, прошло сквозь огонь и воду, но по счастливой случайности попало в руки людей неравнодушных к истории и культуре своего края. Поэтика Ивана Данилова глубоко метафорична. Стихи чрезвычайно образны и афористичны. Небанальная рифма и синтаксис подчёркивают высокий технический уровень текстов. Поэт очень точен не только на формальную композицию текста, но и на звук. Каждое его произведение музыкально по-своему («Я в музыке осеннего листа...» «И жажда бытия, и птичий звон...», «Весна звонит во все колокола...»).

На фоне мощнейших стихотворений-тропов, выделяющихся узнаваемо накалившимся звучанием («Волга», «Начало», «Стихи, написанные при свече» и др.) прорастают программные вещи Данилова, выражающие суть его постижения мира и человека («К вопросу о движении», «Всеобщий ритм», «Perpetuum Mobile») и, конечно же – поэзии («Мне в эту ночь открылась тайна», «Простые мысли»). Важно отметить, что автора всерьёз занимает вопрос его исторической самоидентификации, корневого поэтического базиса («Человек», «Начало», «Была гроза», «Степное» и др.). Любовная

лирика поэта волнует эмоциональным напряжением стихов, которые пронизаны неподдельным драматизмом сюжетных линий (Когда покинет женщина меня...», «Тишины безлистое дерево»), а поэтическая живопись гениальных пейзажных зарисовок Данилова – остаётся недостижимой вершиной не только казанской, но и вполне можно утверждать – российской поэзии.

Помимо стихотворений, книга включает в себя дневники и письма поэта – уникальное свидетельство казанского литературного процесса 60-80-ых годов прошлого столетия, а также описание некоторых личных узловых моментов драматической судьбы творца.

*Тихий снег, словно снег со времён Калиты.
Дажи улы, что вписаны круто
В утро, – будто монашьи скиты
с высоты реактивных маршрутов.
А вблизи – это жизнь, это дух, это ток –
всё в подробностях вечного свойства:
трав таинственный, неуследимый исток
и – живого несметное войско.*

Фёдор Богачёв

**Сорокин И. Маленькие стихи для неторопливого чтения. – Саратов :
ООО «Саринфо», 2015. – 100 с.**

Маленькие стихи Игоря Сорокина – это путевые заметки осени, крохотные вихревые пазлы ветра, собираемые в единую мозаику вечного времени: «только осенью шум листвы / так бывает похож на ветер». А не потому ли «... нам суждено / бросаться сквозь ветер стихами новейшего времени», что «времени нет. это только движение планет», вот и ощущается «осень такая, / что нужно уже говорить / на языке запредельном...», ибо «осень нужна нам / для ясности / и чистоты...»

Пишутся такие строки осенью, а читаются лучше всего весной.

Мандельштамовская вариативность некоторых текстов дописывает «словарь ветров» и обрастает виноградным мясом подлинных стихотворений, главное чтоб «не терялись ключи» и всегда можно было найти «дом в ночи» по таинственному свету выбранной автором лирической интонации и пронзительности отдельных образов: «Там высоко, смотри, есть берега / и – против солнца – рана в виде птицы».

За Платона – отдельное спасибо!

*Пока распускались листья/ случилось так много:/ ветерстал ласковей и
короче/Знаки бессмертья и вечности/ найдёшь в чём угодно*

Эдуард Учаров

Аксенова Татьяна. Родилась в 1972 году в Свердловской области, в 1980 с родителями переехала в Тольятти. Фотограф, художник. В 1998 году закончила Тольяттинский филиал Самарского Государственного Университета, художественно-графический факультет. Несколько лет преподавала в художественной школе. Член ТСХ "Солярис».

Булатова Галина. Поэт, критик. Родилась в городе Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Работала в системе детских и школьных библиотек города Тольятти. В настоящее время живёт в Казани. Автор книги стихов «Философия розы».

Григорьев Дмитрий. Поэт. Прозаик. Родился в 1960 году. Окончил химический факультет ЛГУ. Публиковался в самиздате, многочисленные публикации в российских журналах. Живет в Санкт-Петербурге.

Ивкин Сергей. Родился в 1979 году в Екатеринбурге. Поэт, художник. Многочисленные публикации в российских журналах. Выпустил 5 книг стихов.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Кураш Владислав. Поэт. Прозаик. Родился в 1974 году. Работал продавцом в супермаркете, почтальоном, уборщиком, матросом. Жил в Германии. В данный момент живет в Киеве.

Листопадов Ильдар (в реальности Илья Суходов). Родился в 1987 году в городе Тольятти. Получил образование математика-программиста. Публиковался в сети, в частности, на сайте «Графит».

Медведков Иван. Прозаик. Родился в 1989 году. Окончил ВУИТ. Публиковался в коллективных сборниках «Между строк». Живет в Новосибирске.

Навроцкий Владимир. Родился в 1979 году в п. Зырянка Верхнеколымского района респ. Саха (Якутия). Учился в Пензенском государственном университете. Живет в Пензе, работает программистом. Первая публикация в альманахе «Вавилон». Публиковался в журналах «Воздух», «Знамя», «Волга».

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестолличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст». Около 40 интернет-публикаций. Автор 3-х книг. Живет в Тольятти.

Ченцова Мария. Родилась в 1977 году в городе Тольятти. В 1994 году поступила в МГУ им. Ломоносова на факультет муниципального управления. Училась в литературном институте им. Горького. Живёт в Балашихе.

Учаров Эдуард. Родился в Тольятти в 1978 году. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Стихи публиковались в журналах: «Дружба Народов», «День и Ночь», «Современная Поэзия» и других. Автор книг стихов «Подворотня», Краснодар, 2011 и «SOSстояние весомости», Казань, 2012.